

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЪЕ

ФАНТОМНАЯ
ПАМЯТЬ

Франк Тилье

Фантомная память

Серия «Звезды мирового детектива»

Серия «Комиссар Франк
Шарко и Люси Энебель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31189213

Фантомная память : роман / Франк Тилье: Азбука, Азбука-Аттикус;

Москва; 2018

ISBN 978-5-389-14812-3

Аннотация

Молодая женщина, задыхаясь, бежит сквозь грозу. На ее ладони вырезано: «Пр вернулся». Она не знает ни какой сейчас день недели, ни какой месяц. Думает, что ее мать жива, а та давно покончила с собой. Люси Энебель, лейтенант полиции, пытается понять, кто эта женщина, что значат слова, вырезанные на ее коже, и откуда у нее на запястьях следы веревки. Ключ к разгадке следует искать в памяти героини, но воспоминания у нее исчезают скорее, чем следы на песке под волной прибоя... Четыре минуты – ровно столько отпущено любому воспоминанию. Потом все стирается.

Впервые на русском триллер Франка Тилье «Фантомная память».

Содержание

Пролог	6
1	11
2	14
3	17
4	24
5	35
6	39
7	49
8	54
9	60
10	73
11	81
12	100
13	111
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Франк Тилье

Фантомная память

Frank Thilliez

LA MÉMOIRE FANTÔME

Copyright © Le Passage Paris – New York Editions, Paris

2007

© М. Брусовани, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Тристану

*Это скверная память, которая работает
только назад.*

Льюис Кэрролл

Пролог

Говорили, будто их всех убил он. Женщину, четырехлетнего ребенка, всех, кого на протяжении нескольких лет находили повешенными. Из поколения в поколение молва распространялась, искажалась, ширилась. И никогда никаких доказательств, ничего достоверного. Одни подозрения – не больше. Утверждали даже, что по ночам его снова посещают призраки, что якобы кто-то видел, как на верхнем этаже пляшут странные огни. Рассказывают, что делались попытки разрушить здание с помощью бульдозеров, но всякий раз машины непостижимым образом ломались. Любая попытка сровнять его с землей долгие годы заканчивалась ничем.

Еще неделю назад Салима посмеивалась над этой несусветной чушью. Еще накануне она в нее не верила. Но теперь, оказавшись перед заброшенным домом между Эмом и Рубе...

– Быстренько сфоткай, и валим отсюда, о'кей?

Александр прижал ее к ограде, пытаясь поцеловать, как на школьном дворе.

– Только не дрейфь, ладно?

– И вовсе я не боюсь. Но чем скорее, тем лучше. Ты ведь знаешь мою маму...

Они перелезли через ограду с северной стороны, воспользовавшись наваленной прежними охотниками за привидени-

ями кучей железа и сучьев, и приземлились в зарослях красивой и колючих кустарников.

Салима выпрямилась. На черном ночном небе вырисовывались терзаемые ветром кипарисы. А за ними – словно застывшее каменное холодное строение, какое же холодное... Пальцы девушки впились в куртку приятеля.

Они двинулись вперед и не без труда вскарабкались на одно из немногих незаколоченных окон.

Внутри только хруст битого стекла под ногами. Парень включил фонарик.

– Пустые бутылки, – шепнула Салима.

– И шприцы. Я знал, что призраки ширяются. Скажи, это слегка разрушает миф.

Александр посветил вокруг. Мерзкое помещение с ободранными обоями, заплесневелые от сырости стены. Никакой мебели, даже кровати – только продавленный матрас в пятнах мочи.

– Тут была комната того парня. Здесь мать нашла его окоченевший труп. Вот прямо где ты стоишь!

– Заткнись, блин! Вовсе не обязательно знать, где именно!

Александр мгновенно зажал фонарик в зубах и сделал несколько кадров на цифровой фотоаппарат.

– Завтра вывешу в своем блоге. В школке все позеленеет от зависти. Пошли! Сначала проверим первый этаж.

Дочь арабских эмигрантов Салима, с тщательно заплетенными длинными косами, напряглась:

– Зачем? Не надо! Все заколочено, оттуда не выйти! Если нам придется...

– Что придется?

– Я... Не знаю... Убегать, например! Блин! Между прочим, здесь странные дела происходили!

Александр вскинул голову и пожал плечами:

– Если хочешь, оставайся здесь, трусиха. А я спущусь...

Она вцепилась в него:

– Почему последнее слово вечно остается за тобой, придурок!

Они двинулись вниз по лестнице. Повсюду царила ледяная мгла. Разыгравшееся воображение девочки рисовало самые ужасные картины. Она видела, как ее рук касаются костлявые пальцы, на мгновение возникают и тут же тают во тьме и пламени лица. Да, этот дом дышал, где-то тут билось его сердце. Александр впервые так горячо ответил на объятие подружки.

Теперь парню тоже стало не по себе, хотя ему уже стукнуло семнадцать. А вдруг сейчас, как рассказывают, стены начнут сочиться черной, как виноград, кровью?

Да нет, не может быть. Просто болтают.

Они оказались в круглом помещении с заколоченными окнами. Здесь пахло затхлостью, селитрой, сыростью – как из вонючего подвала. На разбитом плиточном полу валялись мешки гипса, штукатурки и строительные инструменты. Мастерки, лопаты, зубила, пилы, заступы. Салима зажала нос

шарфом. В ее голове пронеслось жуткое видение – осколки черепа, разбитого молотком.

Раздался треск электрического разряда, и перед ней белым огнем ослепительно полыхнула вспышка. Александр вертелся во все стороны, постоянно щелкая фотоаппаратом, который высвечивал то осколки разбитого зеркала, то щербатые тарелки, то подсвечник в форме звезды с оплавленными огарками свечей.

Вдруг Александр замер. От его самоуверенности молодого петушка не осталось и следа.

Прямо перед собой, на полу, он увидел до краев наполненную красной жидкостью посудину.

– Блин!

Он нагнулся.

– Кажется, это...

В соседней комнате раздался треск. Потом послышался грохот, будто что-то упало и взорвалось.

Кто-то. Или что-то.

Александр отпрянул и налетел на подружку. Его охватила паника. Внезапно затылок юноши похолодел от липкого прикосновения.

Страх сковал его. Он приложил ладонь к уху, и его пальцы покрылись красной пленкой.

Капало прямо с потолка.

Кровь.

Салима сдавленно вскрикнула и навзничь рухнула на

лестничной площадке. Ее приятель уронил фонарь, который покатился к стене. Прерывисто дыша, он помог девушке подняться.

Они со всех ног бросились наутек, а в это время в помещении медленно распрямилась какая-то тень и двинулась к середине зала. Фигура в черном капюшоне подняла забытый фонарь и направила его луч вверх.

Произведение близилось к завершению. Математический хаос, очерченный совершенством круга.

Луч фонарика нашарил змеящиеся надписи, состоящие из сотен цифр. Ими был покрыт каждый квадратный сантиметр штукатурки.

Рука в перчатке погрузила кисть в таз. Цифр недостает, их требуется гораздо больше. На всю стену. До самого пола.

Нужно окончательно решить участь следующей жертвы.

Внезапно, когда вязкое вещество растекалось по стенам, лицо под капюшоном странно побледнело.

Темная фигура чего-то испугалась и, прежде чем исчезнуть, торопливо приписала: «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева».

Месяц спустя

Дворники безуспешно пытались справиться с потоками воды, обрушивающимися на ветровое стекло «мерседеса». Сотрясаемые чудовищными порывами ветра деревья, казалось, вот-вот упадут на машину.

Ален пригнулся к рулю и почти уткнулся носом в приборный щиток. Он вообще ничего не видел.

Продуть в казино Сент-Аман-лез-О, а теперь еще попасть в самую страшную за последние сто лет бурю! Ну что за лох! Оставшиеся километры до Валансьена, похоже, будут трудными.

Он снова сбросил газ. Поганный прогноз. До конца недели обещали ливневые дожди с очень сильными грозами.

Внезапно его лицо исказила ужасная гримаса. Нога вдавила в пол педаль тормоза, сработала блокировка задних колес, разлетелись снопы брызг. «Мерседес» замер в нескольких сантиметрах от огромной, упавшей на дорогу ветки. Другие ветки и сучья с пугающей скоростью проносились мимо в ярком свете фар.

– Не может быть!

Ален вывернул руль и торопливо дал задний ход. Стоит сейчас появиться какому-то автомобилю – и конец!

В этот момент раздался глухой удар в окно с пассажирской стороны. Ален вздрогнул.

Поначалу он решил, что машина что-то задела. Но нет, это были чьи-то ладони... кто-то прижимал руки к стеклу.

Ален вцепился в руль. В темноте он разглядел какое-то лицо. Охваченный диким ужасом, он включил первую скорость.

Валить отсюда, и как можно быстрее.

Снаружи раздался крик, слившийся с завываниями стихии.

Там, прямо перед ним, в свете фар, прижав руки к коленям, стояла черная от грязи женщина. Она мотала головой, пытаясь уклониться от бьющих ей прямо в лицо порывов ветра и дождя. По испуганному взгляду, по тому, как неровно вздымалась ее грудь, Ален понял, что она умоляет его вырвать ее из этой преисподней.

Она выскочила из подлеска. В кроссовках и спортивном костюме.

Алену не хотелось покидать свое железное укрытие. А если это ловушка? Упавшая поперек дороги ветка, пустынное место, отсутствие свидетелей... Однако он все же разблокировал дверцу и вышел, держа куртку над головой. Чтобы устоять под порывами ветра, ему пришлось пригнуться. В доли секунды он промок насквозь.

– Мадам, вы...

– Где мы? Скажите, где мы! – задыхаясь, выкрикнула незнакомка.

Вода лилась по ее лицу и затекала в рот. Было заметно, что силы ее на исходе.

– Недалеко от Валансьена, но...

– Валансьен? Что это значит?

Она раскрыла ладонь, и Ален увидел глубокие раны, забитые запекшейся кровью и землей. Она воскликнула:

– В Лилль... вы должны... отвезти меня в Лилль! Прошу вас! Отвезите меня в Лилль!

Стук в дверь.

Люси Энебель посмотрела на часы. Почти половина одиннадцатого. Кто мог стучать в столь позднее время? Она поднялась, стараясь не потревожить сон близняшек, тесно прижавшихся друг к другу в тепле дивана, отодвинула засов и открыла.

Два вымокших парня. Студенты из нижней квартиры. Жером и Энтони.

– Мадам! Вы должны спуститься и посмотреть! – проговорил совершенно обескураженный Жером. – Мы возвращались из «Сомбреро»! И вдруг буквально в пятидесяти метрах отсюда – женщина! В жутком состоянии! Она хотела подняться, но совершенно обессилена. Пойдемте!

Люси вздохнула. Соседи вечно беспокоили ее по малейшим пустякам.

– Надо вызвать пожарных. Или полицию.

– Но ведь вы и есть полиция!

Люси красной резинкой стянула на затылке светлые волосы и возразила:

– Но я сейчас не на службе; на улице страшная гроза, и я не собираюсь таскаться на каждую семейную разборку или ДТП. К тому же после работы я имею право на личную жизнь. У меня на двери ведь не написано «Первая помощь»,

правда?

Люси хотела закрыть дверь, но Жером вставил в щель ногу.

– При чем тут ДТП? У бедняжки на запястьях следы веревки! Она вся в грязи! И не знает, какой сегодня день... Можно подумать... Можно подумать, она уже несколько месяцев просидела в темноте!

Лейтенанта полиции охватили сомнения. Полицейский значок Н24. Ее долг помогать тем, кто попал в беду.

Люси обернулась и посмотрела на детей. Вечная дилемма каждой матери. Что делать с малышками? Снова бросить? А ее обещание: «Больше никогда по ночам»?

Слишком поздно вызывать няню.

– Говоришь, в пятидесяти метрах отсюда?

– Даже меньше... Здесь... Совсем рядом!

Засвидетельствовать, вызвать группу, если потребуется, и вернуться. Всего несколько минут, и она вернется. До чего же она ненавидела вот так оставлять их. Бесконечные отлучки, изматывающие засады... Пора с этим заканчивать.

– Ладно, о'кей. Тогда один из вас останется здесь, с моими дочками. Ты, Энтони?

Робкий, как монашка, молодой человек молча кивнул. Этот прыщавый любитель гамбургеров и электронных схем был представителем последнего поколения студентов. Люси знала, что он парень серьезный, учится на инженера. Не слишком подходит для роли папаши, но вовсе не дебил, так

что сможет приглядеть за двумя четырехлетними девочками.

Люси поспешно вернулась к компьютеру, открытому на сайте знакомств, и выключила его. Затем натянула старую непромокаемую куртку, потертые грубые кожаные ботинки, сунула книги и документы в угловую тумбочку и быстрым взглядом окинула комнату. Ящики, дверцы шкафов – все закрыто. Если не считать раскиданных по полу кукол и игрушек, все чисто и прибрано.

– Пожалуйста, ничего не трогай. Не забудь, я полицейский, а у полицейских есть нюх. Я могу тебе доверять?

Энтони кивнул и растянулся в кресле лицом к близнецам.

– Да, и спасибо тебе, – добавила Люси.

– Если однажды у меня подскочит давление...

Не медля больше, Люси шагнула за дверь, в завывание грозы. И в нарушенное величие весенней ночи.

Молодая женщина, скрючившись, лежала в вестибюле общежития «Сен-Мишель», в самом центре квартала, где располагались знаменитые институты Лилля: ISEN¹, ICAM², HEI...³ Студенты только что принесли ей одеяло и чашку горячего шоколада, к которой она не притронулась. Искаженное страхом лицо, всклокоченные черные волосы, промокшая одежда... Своей звериной настороженностью и замкнутостью она напоминала испуганное загнанное животное.

Хотя женщина тесно прижала руки к груди, Люси, приблизившись, сразу заметила на ее запястьях глубокие следы веревок. Люси встряхнула зонтик и присела рядом с ней на корточки:

– Ничего не бойтесь. Я из полиции.

Незнакомка попыталась подняться, но Люси удержала ее, положив руку ей на плечо:

– По всему видно, вам сильно досталось. Так что лучше сидите, пока мы занимаемся вами.

Она осторожно приподняла штанину спортивного костюма. Женщина скривилась:

– Больно!

¹ ISEN – Высшая инженерная школа высоких цифровых технологий.

² ICAM – Высшая школа инженеров широкого профиля.

³ HEI – Высшая инженерная школа.

– Простите...

Такие же следы веревки на щиколотках, кожа стерта почти до крови. Люси обернулась:

– Кто-нибудь вызвал «скорую»?

Вместо ответа все отрицательно покачали головой.

– Я позвоню, – вызвался Жером, прежде чем лейтенант Энебель успела вынуть свой мобильник.

– Скажешь, что у нас потерпевший, женского пола, тридцать – тридцать пять лет, требуется доставка в неотложку СМЭ.

– Куда?

– В отделение неотложной помощи судебно-медицинской экспертизы. Она в сознании, реакции сохранены, но, безусловно, подверглась жестокому обращению или насилию. Сообщи, что на месте работает лейтенант межрегионального управления судебной полиции Энебель. И скажи, чтобы поторапливались, о'кей?

– Понял, – ответил Жером, прижав телефон к уху.

Молодая женщина приходила все в большее возбуждение, ее пальцы впились в одеяло.

– Мать! Надо предупредить мою мать! Мари Муане, ее зовут Мари Муане. Кан, бульвар Маршала Леклерка, 282. Да, Кан. И еще... И еще брата! Фредерика Муане! Тупик Вашэ, Старый Лилль! Прошу вас, пожалуйста!

– Мы предупредим их, но сейчас самое главное – это вы. Как вас зовут?

– Манон. Манон Муане. Мы в Лилле?

– Да. Я...

– Вы... Вы должны отвезти меня домой. По адресу моего брата. Немедленно! Умоляю вас! Мне необходим мой аппарат! Мой аппарат!

– Какой аппарат?

Не отвечая, женщина попыталась вцепиться в Люси, которая спокойно перехватила ее руки и нащупала рану на левой ладони.

– Послушайте меня, Манон. Я Люси Энебель, лейтенант полиции. Вам больше нечего опасаться, скоро вы вернетесь домой. Но прежде необходимо поехать в больницу, чтобы вас осмотрел врач. Это обязательно в тех случаях, когда мы подбираем людей с симптомами дезориентации. Понимаете?

– Да-да, отлично понимаю, только...

– Они будут минут через десять, – вмешался Жером.

– О'кей, – ответила Люси. – А пока, Манон, расскажите мне, что с вами случилось.

Люси повернула руку Манон, чтобы осмотреть рану. Запекшаяся кровь. Она пригляделась. Ладонь была искромсана. Ей удалось прочесть: «Пр вернулся».

Люси резко вскинула голову и спросила:

– Кто это сделал?

Манон отвела глаза, а потом воскликнула:

– Часы! Мои часы пропали. Какой сегодня день? Какой день? Скажите мне!

– Пять минут назад она нас уже спрашивала, – сказал один из студентов.

Люси знаком попросила собравшихся отойти и помолчать.

– Сегодня вторник. Но не волнуйтесь, ладно?

– Вторник... Вторник... Хорошо... февраль... 2007 год, верно? Скажите, верно?

У них за спиной перешептывались. Люси и глазом не моргнула. Профессиональный навык. Не следует еще больше пугать бедняжку.

– Сейчас апрель. Конец апреля...

– Боже мой! Апрель. Уже апрель...

Несколько мгновений Манон пребывала в прострации и вдруг стремительным движением схватила свою собеседницу за воротник куртки:

– Расскажите мне, что произошло! Что я здесь делаю? Кто эти люди? Почему они смотрят на меня? Ответьте! Пожалуйста!

Она уже кричала. Люси высвободила воротник куртки из ее пальцев и слегка отодвинулась. Этой женщине явно место в психиатрической лечебнице.

Люси неспешно продолжала:

– Прохожие видели, как вы бродите по бульвару Вобан. Вся в грязи, даже волосы. Они заметили, что вы совершенно обессилены, и несколько минут назад подобрали вас. Вы не помните?

Манон бросила беспокойный взгляд на группу студентов:

– Столько лиц... Слишком много народу. И все незнакомые. Мадам, пусть они уйдут.

Люси повернулась к зевакам:

– Ну что же, всем спасибо за помощь, очень любезно с вашей стороны. Но... сейчас уже приедет «скорая», а вам пора расходиться по домам. Чашку с шоколадом можете забрать... А одеяло мы оставим где-нибудь здесь. Жером, сходи и предупреди Энтони, что я, похоже, еще немного задержусь. Пусть как следует заботится о моих дочках.

В толпе недовольно заворчали, принялись перешептываться, но никто не двинулся с места. Однако, когда из кармана промокшей куртки показалось трехцветное полицейское удостоверение, все повиновались.

Оставшись наедине с Люси, Манон заявила:

– Мне нужен врач. Врача, пожалуйста. Я хочу знать. Я должна знать, не прикасался ли он ко мне. Мадам, доктора. Скорей.

– Не волнуйтесь, сейчас мы поедem в отделение неотложной помощи. О вас позаботятся, защитят вас, хорошо?

– Должно быть, вы принимаете меня за слабоумную. Я уверена. Но... Как бы вам объяснить. Это противоречит всякой логике.

Люси снова придвинулась поближе к Манон и осторожно погладила ее по спине:

– А что, если мы начнем с самого начала? Кто-то удержи-

вал вас против вашей воли?

– Он. Точно он. Я уверена.

– Кто это – «он»?

– А вы не знаете? Я вам еще не сказала? Профессор! *Профессор!*

– Какой профессор?

Казалось, Манон озадачена подобным непониманием очевидного. Она окинула Люси презрительным взглядом:

– Вы из полиции – и задаете мне подобный вопрос? Как вы можете не знать? Это просто немыслимо. Да вы точно его знаете. Профессор!

Она вытерла нос рукавом, а потом устроилась поудобнее, подтянув колени к груди.

– Он никогда не оставлял своим жертвам ни малейшего шанса. Никогда. Почему он меня пощадил? Это не соответствует обычной логике его действий! В этом нет никакого смысла! Улавливаете, о чем я?

Люси кивнула. Молодая женщина употребила выражение «логика действий», профессиональный термин. Она из полиции?

– Профессор... Вы хотите сказать – убийца? – спросила Люси.

Манон внимательно рассматривала надрезы у себя на ладони.

– Или же... Или же, может быть, я его убила... Да... Мне удалось, я наконец нашла его и убила. Собственными рука-

ми. Вполне возможно. Да-да, это было бы логично. Все эти годы...

Она буквально кипела от ярости, казалось, ее кожа вот-вот лопнет и все ее страдания вырвутся наружу. Люси отметила, что у женщины на лице непроизвольный тик, напряжены все мышцы и ее сотрясают нервные судороги.

Какие ужасные страхи испытала эта женщина? Профессор, возвращение... Люси не удалось сдержать дрожь.

Позади неожиданно громко хлопнула дверь. Манон вздрогнула. Затем ее руки вновь безвольно повисли вдоль тела, и она принялась разглядывать вестибюль, почтовые ящики, одеяло. Потом выпрямилась, порылась в карманах и испуганно обратилась к Люси:

– Мадам?

Люси, поджидавшая «скорую», откликнулась не сразу:

– Да?

– Какого черта я здесь делаю? И кто вы такая?

Люси устроила Манон на заднем сиденье полицейского автомобиля «скорой помощи». Ей удалось дозвониться до Энтони. Уже предупрежденный Жеромом, он легко согласился побыть с малышками Люси до ее возвращения.

Энебель частенько приходилось работать с полицейскими медиками, но с ночными бригадами все реже и реже. Она впервые встретилась со старшим капралом Тибером, который был за рулем, и его коллегой Мальфейем. Двое здоровяков с плечами регбистов-хавбеков, гроза улиц, фанатично преданные профессии.

Прежде чем тронуться с места, Тибер запустил дворники на самый быстрый режим.

– Эта погода – что-то невообразимое. Никогда такого не видел.

Взглянув в зеркало заднего вида, он нажал на газ.

– Ну и какие подробности?

Манон знобило. Откинувшись в темноте на спинку сиденья, она прикрыла глаза и в изнеможении задремала.

– Ничего не знаю, – понизив голос, ответила Люси. Она промокала волосы полотенцем. – Похоже на похищение: очень глубокие следы веревки на запястьях и лодыжках.

– Ого!

– Вот именно. У нее жуткие проблемы с памятью. Ничего

не может вспомнить, даже какой сейчас год.

– Амнезия?

– Скорее травматический шок. Она знает свое имя и адрес. Но в голове у нее все перемешалось, говорит очень быстро и все путает. Например, утверждает, что ей тридцать два года и тут же добавляет, что надо покормить ее собаку Мирту.

– Чертовски обостренное чувство приоритетов.

Тибер сунул в рот ментоловую пастилку от кашля и предложил Люси. Та отказалась.

– Черепно-мозговой травмы, синяков, кровоподтеков нет? – спросил он.

– Во всяком случае, видимых нет. Однако посмотрим, что покажут результаты осмотра. Человек не помнит своего похитителя, обстоятельств похищения – ничего хорошего ждать не приходится.

– ГОМК?⁴

– Понятия не имею.

Люси осторожно приложила ладонь ко лбу Манон. Жара нет.

– Она обессилена, будто лет сто не спала. Какой подонок

⁴ ГОМК – гамма-оксимасляная кислота, то же, что гамма-гидроксibuтират. Применяется в медицине в качестве седативного и ноотропного средства. Может вызвать сонливость, психомоторное возбуждение, амнезию, бессознательное состояние и смерть. Во многих странах не входит в перечень лекарственных средств. Считается препаратом, используемым насильниками для воздействия на жертву.

мог привести ее в такое состояние?

– Такой же, как тот, кто до смерти избивает жену или насилует собственную дочь. Буквально вчера вечером такой случай произошел в Вазанме. Ведь правда, Мальфей?

– Ага, – кивнул капрал. – Той девчонке обеспечен месяц в больнице. У нее челюсть раздроблена дном бутылки.

Люси помолчала.

– Я позвонила в центральную картотеку, они проверят ее личные данные, – продолжала она. – И попытаются сообщить матери, которая живет в Кане. Во всяком случае, если верить ее словам.

Тибер включил вентиляцию на полную мощность. Стекла запотели, и он едва различал дорогу.

– А что за кровавая корка у нее на ладони? – Повернувшись к Люси, спросил Мальфей.

– Жуткая штука. Ее просто искромсали. Каким-то острым предметом вырезали фразу: «Пр вернулся».

– Не может быть... Так жутко изуродовать! А кто это – «Пр»?

– Понятия не имею. Она что-то говорила про Профессора... Серийного убийцу, действовавшего четыре-пять лет назад...

Все умолкли. Только мертвая тишина и дождь.

Наконец Мальфей произнес:

– И вы ей верите?

– Главное, я верю, что эта женщина в шоковом состоя-

нии... Взять хотя бы надписи на ее ладони, она же их не выдумала.

Рядом с ней Манон дышала все громче и громче.

– В любом случае это вызвало помрачение рассудка, – продолжала Люси. – Она не помнит, откуда пришла, не знает ни кто ее похитил, ни какой сейчас месяц. Зато без конца твердила мне про Профессора. Как будто он один заполнил всю ее память. Очень странно.

– Да уж, чертовски странно. С нашим Охотником получается, что во Франции теперь уже одновременно орудуют двое психов, заикленных на рыжеволосых девушках. Может быть, эта женщина – дурное предзнаменование...

Люси подняла воротник куртки. Потом, не отвечая, прижалась лбом к стеклу и принялась вглядываться в потоки воды за окном. Справа порт Лилля, его длинные пакгаузы. Мост, шоссе A25 и взрывающиеся кровавыми лепестками под дождем красные стоп-сигналы грузовиков.

Как бы она ликовала лет пять назад, приступая к расследованию такого дела, считала бы, что эту женщину ей просто Бог послал... Похищение, призрак рыщущего поблизости психопата... Возможность наконец проявить то, ради чего она изводила себя с подросткового возраста, десятками поглощая книги и фильмы ужасов, где рекой лилась кровь. Но лелеять зло в своей душе...⁵ Она дала себе клятву: «Такое больше никогда не повторится».

⁵ См. «Комната мертвых». (Примеч. авт.)

Люси подняла голову. Перед ней в струях дождя высился ярко освещенный больничный корпус. Преддверие познания тела. Квадратные километры, предназначенные для болезни, изучения, медицины. Кардиология, неврология, психиатрия... В этом лабиринте зданий полицейские лучше всего знали один маршрут. Отделение неотложной судебно-медицинской помощи, подземный этаж клиники имени Роже Салангро. Изнасилования, физическое насилие, наркотики, нанесение увечий... Все под охраной: жертвы и преступники не должны встречаться.

Автомобиль припарковался рядом с машинами «скорой помощи», в защищенном от дождя месте под навесом. Каприлы уложили Манон на носилки.

– Даже не просыпается! Она в полной отключке!

– Поторапливайтесь!

Они бегом доставили ее в приемный покой.

К ним бросилась медсестра, следом за ней – интерн. Профиль как лезвие бритвы, круглые очки в зеленой оправе. Доктор Флавиан.

– Месье... Лейтенант Энебель! Вы вернулись? Соскучились по ночной обстановке?

– По обстановке – нет, по вам – да.

Не моргнув глазом, Флавиан снял очки и принялся тщательно протирать стекла. Две вмятинки у него на переносице свидетельствовали о бесконечном рабочем дне, наполненном зрелищем внутренних органов и крови.

– Где направление?

– Я сейчас же подготовлю вам документы, – ответила Люси. – Это дело свалилось на меня как снег на голову. Сейчас главное – эта женщина.

– Как снег на голову?

Доктор пожал плечами, медсестра вместе с носилками исчезла за автоматической дверью.

– Вечно у вас одна и та же песня, – вздохнул врач «скорой помощи». – В термине «судебно-медицинский» есть слово «судебный». Вам хотя бы известно его значение?

Люси контролировала себя, хотя Флавиан уже начинал бесить ее.

– Я вас подожду, доктор... И угощу вкусным кофе, как только вы закончите. Позаботьтесь о ней хорошенько.

– Вкусным кофе, так-так...

Уходя, он, не оборачиваясь, добавил:

– И не забудьте про мои бумажки, иначе никакого свидетельства.

– Мало кому удастся задобрить его, – заявил Тибер. – Следовало бы нанимать в полицию побольше женщин. Это облегчило бы работу...

– Едва ли.

Он встряхнул ключами от машины:

– Мы свободны?

– Да, уезжайте. Я останусь с ней. Надо, чтобы кто-то был рядом, когда она проснется.

– А как вы вернетесь?

– Договорюсь с машиной «скорой помощи». Спасибо, ребята.

Прежде чем заняться бумажной работой, Люси вышла на крыльцо, чтобы позвонить. А ведь она рассчитывала на тихий вечер... Пожалуй, он не удался. Но, вопреки всему, ей это даже нравилось. Люси задумалась о своих дочерях, оставленных на Энтони. Женщина-полицейский и мать – равновесие было таким шатким, его так легко нарушить.

Нет-нет, – думала она, – только начну расследование, потом свалю его на кого-нибудь и исчезну. Сделать свою работу, не более того. Ее начальство в курсе, что она мать близнецов, и достаточно покладисто, если только полицейское начальство способно быть покладистым.

По возможности избегать ночной работы. Она обещала...

Люси достала мобильник и открыла меню в поисках нового номера дежурной части. Это ж надо – быть не в состоянии запомнить жалкую комбинацию из десяти цифр... Чертова память, чертов возраст – тридцатник, проклятие, уже старость приближается.

Перед ее глазами замелькали имена. Амели, Корина, Ева, мама... Пьер... Пьер Норман... Коллега, друг, любовник. Ее полицейский с огненно-рыжей шевелюрой, фанат ее родного Дюнкерка... Однако три года назад так стремительно упорхнувший в Марсель, когда она готовилась к конкурсу на звание лейтенанта... У Люси вечно не хватало времени стереть

его номер. А может, она просто не хотела?

Она прикрыла глаза. Комиссариат Дюнкерка, на набережной... Ее тесный кабинет на втором этаже, напротив вечной стоянки трехмачтового парусника «Герцогиня Анна». Соленый запах яхтенного порта... Лилль совсем другой, такой изысканный. Жемчужина среди угольных шахт.

Люси глубоко вздохнула и нажала «удалить».

– Пока, комиссар Пьер Норман, – прошептала она под раскаты грома. – Попутного ветра в паруса, ты так далеко от нас...

Она набрала номер дежурной части межрегионального управления судебной полиции. И, едва там сняли трубку, спросила:

– Что нового по Манон Муане?

– Ничего себе, я как раз собирался вам звонить! – ответил дежурный офицер судебной полиции Грё. – Учетной карточки на нее нет, зато есть два очень странных факта. *Primo*, информация от оперативного подразделения комиссариата полиции: туда явился совершенно обезумевший мужик. Утверждает, что километрах в сорока отсюда, недалеко от Рема, подобрал женщину, которая бродила по обочине!

– Манон Муане?

– Да, она назвалась этим именем! Якобы она попросила отвезти ее в Старый Лилль, потом затеяла драку, а у въезда в город, в районе Бетюнских ворот, и вовсе выскочила из машины на красном светофоре.

– Оттуда же еще черт знает сколько топать пешком до бульвара Вобана.

– Особенно в такую грозу. А мужик, как полный идиот, смотрел, как она уходит. Он оказал ей помощь, а она ему вмазала. Похоже, он вообще не понял, что происходит.

– Он все еще в восемьдесят восьмом?

– Наши коллеги хотят задать ему парочку вопросов.

Люси отступила на несколько шагов, чтобы укрыться от дождя под козырьком крыльца.

– Перезвони им и попроси поддержать его еще! И предупреди комиссариат или жандармерию Рема, чтобы были наготове! Может кто-нибудь заменить тебя в дежурке?

– Малуда.

– О'кей. Подключай напарника, мы должны туда поехать. Муане шла пешком, значит это близко от места предполагаемого заточения. Мужик из восемьдесят восьмого сумеет отвезти тебя туда. Действовать надо очень быстро! Я попробую поймать «скорую», чтобы меня подбросили. Надеюсь приехать через десять минут. Если нет, вы рулите без меня, лады?

– Лады. Но подождите, не вешайте трубку! У меня есть еще мутная фигня, касающаяся этой Муане.

Грё выдержал паузу.

– Ну? Ты чего ждешь-то? – взорвалась Люси.

– Это касается ее матери, Мари Муане. Вы передали мне ее телефон, в Кане... Я позвонил. Мне ответил мужчина.

– Отец?

– Не совсем. Новый владелец дома.

– Как?

– Мари Муане вот уже три года не проживает по этому адресу.

– Что за черт! Можно подумать, что в этой истории и без того мало сложностей. Но ведь эта Манон сама мне его назвала! А тебе удалось установить нынешний адрес ее матери?

– Ну да... Бульвар Усопших...

– Чего?

– Бульвар Усопших, чего-чего! Кладбище! Она умерла почти три года назад.

– Три года? Не говори ерунду. Ее дочь только что требовала связаться с ней!

– Она унеслась на небеса напрямиком из психушки. Восьмого июля 2004 года.

Люси разъединилась. Она вообще ничего не понимала. Похоже, ночь будет долгой.

И внезапно ее снова накрыло чувство вины. «Доченьки мои, избегать ночных дежурств. Я же обещала...»

Люси достаточно было позвонить дежурному офицеру и вернуться домой. Комиссару это бы не понравилось, но он бы понял. Эта Энебель, лейтенант из Дюнкерка, ходила у него в любимчиках.

«Твои девочки – Манон. Манон – девочки. Ну же, быстро принимай решение».

Люси бросилась в больничный вестибюль. Навстречу торопливо шел Флавиан.

– Есть у вас минутка? – обратился он к ней.

– Послушайте, я...

Она на секунду умолкла.

– Мне позвонили. Я должна как можно скорее уехать в Рем, вашу пациентку видели там, она бродила по обочине шоссе. Я сейчас пришлю своего коллегу, чтобы он следил за ней.

Флавиан поднял руку, чтобы остановить ее:

– Думаю, вам следует отложить свою поездку.

– Что происходит? Что-то с Манон? Вы осмотрели ее?

Она не...

– Она еще отдыхает в процедурной. Но когда она открыла глаза, я... – Он сурово нахмурился. – Пойдемте со мной... Это наверху, в отделении неврологии. Манон ждет вас там...

– Но... Вы ведь только что сказали мне, что она внизу!

– Мне это известно не хуже вашего, дорогой лейтенант. Но будьте готовы к шоку. Потому что я гарантирую вам, что она и наверху тоже.

На станции «Шатле» Ромэн Ардэр отдался мерному покачиванию движущейся ленты, несущей его к четвертой линии парижского метро, в сторону вокзала Монпарнас. Легкий сквознячок овеивал его лицо, и от этого ему стало лучше. Он вдохнул полной грудью. Директор «Тысячи и одной звезды» ценил тишину переходов в эти предвечерние часы.

Он не присел с пяти часов утра. И теперь возвращался после важной встречи с несколькими поставщиками пиротехнического оборудования, своим страховщиком, главным пиротехником, а главное, с заместительницей мэра Сен-Дени.

Итог дня? Его маленькая компания вошла в шорт-лист организаторов фейерверка по случаю 14 Июля в Сен-Дени. Конечно, это пока не Эйфелева башня, но к ней мы потихоньку приближаемся через этот городок с почти сотней тысяч жителей. Название проекта – «Небесная империя».

На победу у Ардэра имелся один шанс из пяти, однако отныне он обладал весомым преимуществом перед своими конкурентами: «звездное печенье» – настоящая бомба его собственного изобретения, хранившаяся в тайне смесь нитрата бария, оксида стронция, хлорида меди и сложного реактива, который выделял частицы света в форме разноцветных ромбов. Геометрическая точность в сочетании с очарованием нереального. Невиданно.

Моложавый и, очевидно, востребованный человек в безупречном костюме заранее радовался. Подобный контракт позволил бы его предприятию выйти за границы своего департамента Марна-и-Луара и достичь новых горизонтов. Начав с нуля, он вскоре мог бы охватить своими феерическими шоу всю Францию.

Ардэр шагнул на эскалатор. Выйдя на платформу, он поставил свой чемоданчик между ногами и принялся наблюдать за подростками на платформе напротив, которые играли в футбол банкой из-под колы.

Интеллект против шушеры. Он в их возрасте уже строил свой собственный мир. Они же привыкли жрать за чужой счет. Он презирал их.

Из темного тоннеля появился состав. Ардэр устроился на откидном сиденье, ослабил узел галстука, вытащил из кармана металлические антистрессовые шарики с логотипом своей фирмы и стал перекатывать их в пальцах. Они приятно щелкали, этот звук помогал снять напряжение. Красный шарик, синий шарик. Инь и ян.

Он медленно перевел взгляд вправо. Граффити в виде круга на двери вагона напомнили ему о его секретной комнате, украшенной цирковыми атрибутами, надувными шарами, булавами и особенно – огромной мишенью, которой когда-то пользовался знаменитый метатель ножей. Именно в этом потайном месте Ромэн Ардэр изготавливал свои сверкающие и оглушительные смеси. Его секретный сад. Смысл

его жизни.

На следующей станции поезд остановился, в боковом стекле Ардэр увидел свое отражение, его взгляд бесцельно блуждал вдоль выложенных плиткой стен, следил за бесконечной сменой пассажиров и задержался на рекламных щитах, большая часть которых расхваливала достоинства последнего романа Стивена Кинга.

Вдруг его словно что-то ударило в грудь.

Он поспешно вскочил и едва успел протиснуться в закрывающиеся двери.

Прямо перед ним, на высоте трех метров, висел плакат.

Прекраснейшая женщина с ослепительно-голубыми глазами.

Это была она. Несомненно.

Ардэр поставил чемоданчик и промокнул лицо носовым платком. В голове шумело. Усталость. И шок от этого портрета.

Он быстро взял себя в руки. Все давно прошло и быльем поросло. Случай забавно подмигнул ему, а он даже сумел улыбнуться в ответ.

Но никакой случайности тут не было.

Он сел в следующий поезд, чувствуя, что ему не удастся отделаться от слогана, который он прочел внизу афиши: «Делай, как я, с „N-Tech“ ты никогда не забудешь своих воспоминаний».

Ардэр стиснул зубы.

Эта дрянь Манон Муане вернулась.

Лейтенант полиции и врач «скорой помощи» вышли из лифта и направились к Центру памяти в отделении неврологии. На пробковой доске возле сестринского поста кнопками были приколоты листовки про болезнь Альцгеймера, эпилепсию, деменцию с тельцами Леви. Ничего утешительного.

– Лицо этой пациентки показалось мне знакомым, – объяснял Флавиан. – А потом вдруг, когда она открыла глаза, меня осенило. Радужка поразительной голубизны. Такой взгляд не забыть... Во всяком случае, мне! Я вспомнил, что уже видел эту женщину, и именно здесь, ровно два часа назад, перед самым началом моего дежурства.

– Два часа назад? Мне представляется, это было бы довольно сложно. В это время она еще бродила по улицам Лилля где-то в районе Бетюнских ворот. Думаю, вы ошибаетесь.

– Вы еще будете мне говорить...

Флавиан открыл дверь ординаторской.

К стене был прикреплен постер. Люси ухватила за дверной косяк. Она не верила своим глазам.

– Черт возьми, это еще что за цирк?

Прямо перед ней на глянцевой бумаге – Манон.

В руке она держит электронный органайзер. Подпись под рекламой гласит: «Делай, как я, с „N-Tech“ ты никогда не

забудешь своих воспоминаний».

– Доктор, что это значит?

Флавиан озадаченно пожал плечами:

– Побудьте здесь, я схожу за профессором Рюффо или другим дежурным врачом... Мне необходимо вернуться в отделение неотложной помощи и заняться вашей звездой. Держите меня в курсе, эта история меня сильно заинтриговала.

Люси, одновременно покорная и растерянная, кивнула, не в силах отвести взгляд от плаката. Манон в бежевом костюме, с сияющей улыбкой и едва заметным макияжем блистала красотой.

Лейтенант подошла к фотографии. Кто же эта пострадавшая в спортивном костюме, лежащая в процедурной?

Почувствовав, что кто-то стоит у нее за спиной, Люси обернулась.

– Я доктор Хардиф, – представился рослый мужчина средиземноморского типа. – Мой коллега попросил меня поговорить с вами, но я почти не располагаю временем. Так что постарайтесь покороче. В чем дело?

Люси представилась и кратко описала ситуацию. Несколько кокетливым движением невролог, сотрудник службы неврологии и нервно-сосудистой патологии, пригладил необыкновенно тщательно постриженную бородку.

– То есть Манон Муане стала жертвой похищения?

– Вы ее знаете?

– Не совсем, нет. Но с недавних пор она стала лицом клиники Свингедоу.

– Простите, если я выгляжу так, будто с луны свалилась, но... что такое эта клиника Свин...

– Свингедоу, другое здание, чуть подальше, метрах в ста от нас... Здесь, в клинике имени Роже Салангро, мы диагностируем и лечим, среди прочего, патологии мозга. Наша работа сосредоточена на нейрорентгенологии, функциональном исследовании галлюцинаций, нарушений памяти. А вот клиника Свингедоу специализируется на реабилитации и адаптации пациентов с серьезными когнитивными нарушениями и расстройствами памяти. Черепно-мозговых травмах и – как следствие – ретроградных и антероградных амнезиях.

– Все это мне не слишком понятно.

Хардиф устроился в кожаном кресле за письменным столом и положил руки перед собой.

– Для простоты скажем так: задача клиники Свингедоу – исключить ситуацию, когда, покинув больничную койку, пациенты с мозговыми поражениями окажутся неизвестно где, не зная ни кто они, ни куда направляются.

– И Манон – одна из их пациенток?

– Более того. Благодаря ей между клиникой и фирмой, выпускающей электронные органайзеры «N-Tech», установились партнерские отношения. «Нейронная технология», может, слышали?

– Да, кажется.

– Вместе они разработали программу под названием «MemoryNode»⁶. Большое дело для «N-Tech», но особенно – для Свингедоу. Только что производитель органоайзеров запустил масштабную рекламную кампанию, делающую особый упор на универсальность нового прибора, позволяющего даже страдающим амнезией, глухонемым или слепым пользоваться им и вести менее... менее трудную жизнь. Вы увидите фотографии Муане, развешенные по всей Франции.

Доставая из кармана блокнотик, который она всегда носила с собой, Люси перехватила удивленный взгляд, брошенный неврологом на ее грубые ботинки и обтягивающие джинсы.

– Должна признаться, что мне трудно понять, – заметила она, смущенная своим нелепым видом. – Если Манон – одна из их пациенток, то чем именно она страдает?

Врач предупредительно протянул ей авторучку, торчавшую из кармана его халата.

– Я никогда лично не занимался Муане и не имел доступа к ее медицинской карте. Вам следовало бы побеседовать с ее неврологом. Я же могу дать вам только теоретическое описание ее заболевания. Общее представление, которое не обязательно совпадает со случаем Муане.

– Я вас слушаю.

Он глубоко вздохнул:

⁶ Узелок на память (англ.).

– С точки зрения патологии Манон Муане страдает гиппокампальной амнезией, более упрощенно называемой антероградной...

– Гениально. Не могли бы вы перевести?

Даже не улыбнувшись, он продолжал:

– Эта амнезия характеризуется неспособностью больного фиксировать новые воспоминания. Чтобы не вдаваться в сложные объяснения, скажу, что страдающие ею пациенты могут выгуливать свою собаку по двадцать раз в день, не осознавая этого. Если они недостаточно организованны, им не удастся вести нормальную жизнь. Они начинают совершать нелепые поступки. Например, принимать пищу два раза подряд, потому что забывают, что уже поели. Если вы сейчас вернетесь к Манон Муане, она вас не узнает.

Люси записывала ключевые слова разговора. Теперь поведение Манон, страх, который та испытывала в общении «Сен-Мишель», казались ей более обоснованными. Она спросила у специалиста:

– Что-то вроде болезни Альцгеймера?

Хардиф отрицательно покачал головой, то ли поцокав языком, то ли причмокнув:

– Этот ярлык навешивают на любые патологии, связанные с памятью... Нет, нет и нет... Болезнь Альцгеймера – это нейродегенеративная патология. Со временем личность деградирует вплоть до деменции. Что ни в коей мере не имеет отношения к Манон Муане. Она сохранила целост-

ность своих умственных способностей, характер, энергию. А уж вы мне поверьте: чтобы убедить такую компанию, как «N-Tech», вложить деньги в клинику, эти достоинства были необходимы! На самом деле, своей относительной стабильностью она, безусловно, обязана тому факту, что другие ее памяти сохранились, потому что расположены в зонах, менее чувствительных к недостатку кислорода или глюкозы.

– Другие памяти?

Хардиф поднялся из кресла:

– В течение всего двадцатого века медицина никогда не делала различий между воспоминанием о том, что было приготовлено на ужин, и тем, как он был приготовлен. Однако эти два воспоминания стимулируют разные памяти, расположенные в различных зонах головного мозга. Но мне потребовалась бы целая жизнь, чтобы объяснить вам тайны, которые скрывает наш мозг... а у меня, увы, неотложные дела. Знайте только, что пациенты, страдающие подобными нарушениями, прекрасно помнят свое прошлое, по-прежнему умеют водить машину или играть на рояле и способны великолепно учиться. Но не могут ни запоминать лица, фразы, песни, ни заучивать жесты или приобретать автоматические навыки. Застегивать ремень безопасности, гасить свет, просыпаться и вставать, когда звонит будильник...

– Что-то вроде закрепления условного рефлекса?

– Совершенно верно, этот термин мы как раз и используем. Огромная проблема заключается в том, что этим людям

вообще неведомо, что разрушены башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке или что папа Иоанн Павел II умер. Они живут в ускользающем настоящем, с постепенно исчезающим прошлым и будущим, которое является всего лишь иллюзией. Мне довелось видеть пораженного энцефалитом в результате вируса *herpes simplex*⁷ больного, который был убежден, что живет в 1964 году, и не понимал, что его окружающие стареют. Он постоянно твердил одно и то же, не мог записать текст длиной в тридцать строк, не забыв его начала, вел личный дневник, где отмечал все время одно и то же событие одной и той же фразой: «Я только что проснулся». Информация больше не сохранялась в его долговременной памяти, той, что отвечает за воспоминания, позволяет читать роман или смотреть фильм, не потеряв сюжетной нити.

– Вы хотите сказать, что... Манон может не знать, что ее собственная мать скончалась? Что она могла не запомнить глубоко затрагивающего ее события?

– Если это случилось после ее мозгового расстройства, то да. Как я уже попытался вам объяснить, в принтерах, печатающих воспоминания и называющихся гиппокампами, закончились чернила. Вы полицейский. Чтобы это понять, представьте, что она находится под постоянным воздействием бензодиазепинов, или ГОМК, наркотика, используемого насильниками. Выпейте два бокала шампанского, примите

⁷ Простой герпес (лат.).

снотворное, и вы получите представление о том, что она испытывает каждую секунду. Все это чистая химия, то есть электричество: если перерезать кабель, ток перестает идти.

Люси мучительно силилась усвоить информацию, но этот феномен мозговой деятельности противоречил всякой логике. Что происходило, когда Манон пыталась связаться с матерью? Неужели она каждый раз заново узнавала о ее кончине? Заливалась ли она тогда слезами, пока не забывала о причине своей печали?

Как ей вообще удастся жить? Выходить из дому, есть, делать покупки, снимать деньги в банкомате, знать, куда она направляется?

Столько вопросов, и все без ответов. Люси пребывала в растерянности. Ее мысли прервал невролог:

– Не могли бы вы вернуть мне мою авторучку? Спасибо, это «Фабер-Кастелл», я им очень дорожу.

И тонкими, как у кружевницы, пальцами он убрал ее в карман точно на то же место.

– Мне пора. Повторяю вам, я не знаком с историей болезни этой пациентки, она никогда не лечилась в нашем центре. Однако я могу дать вам фамилию моего коллеги, который занимается программой «MemoryNode». Он невролог и постоянно работает с нейропсихологами, в свою очередь наблюдающими Манон Муане...

– Я вас слушаю.

– Шарль Ванденбюш. Но не пытайтесь связаться с ним но-

чью. Свингедоу – дневная клиника, и врачи ненавидят ночные звонки домой. Они достаточно тяжело работают в течение дня...

– К несчастью, жертвы не могут ждать.

Не обратив внимания на ее замечание, Хардиф продолжал:

– Вы только что проникли в одну из самых таинственных и интересных зон в истории медицины, милейшая мадемуазель инспектор... Память. Гибкий лабиринт, состоящий из миллиардов разных путей.

– Лейтенант, а не мадемуазель инспектор.

– Простите, что?

– Я лейтенант, а не мадемуазель инспектор. И признаюсь, меня это интересует только наполовину, потому что я имею дело с женщиной, которая, возможно, окажется неспособна узнать своего обидчика... И последнее. В чем именно заключается программа «MemoryNode»?

– Это шанс для страдающих амнезией. Способ вернуть им подобие памяти, благодаря аппарату «N-Tech», приспособленному под специальные функции. Фотографии, аудиозаписи, кнопки «кто», «что», «где», «как»... Нечто вроде протеза памяти... Повидайтесь с Ванденбюшем. Он наверняка найдет время растолковать вам все это.

Телефон невролога зазвонил.

Хардиф ответил. Нажав «отбой» и направившись к дверям, он сказал:

– Это доктор Флавиан. Он срочно хочет вас видеть.

Следом за Флавианом Люси вошла в палату. Казалось, Манон спокойно спит, зарывшись головой в подушку.

– Кроме отметин на запястьях и щиколотках, я не обнаружил никаких следов насилия, – сообщил врач.

– Она не была изнасилована? – прошептала Люси.

– Нет... Вы можете говорить нормальным голосом, она не проснется. Поскольку она была сильно возбуждена, мы вкололи ей легкое седативное средство. Ее кровь и волосы отправлены на токсикологический анализ. Она не обезвожена и не страдает от дефицита питания. К тому же состояние ногтей исключает предположение о длительном заточении. Сильно опухшие ноги указывают на то, что она, должно быть, прошла значительное расстояние. Никаких следов ударов, никаких ран, кроме той, что находится на ладони левой руки...

Люси перебила его:

– Есть ли у вас какие-нибудь соображения относительно этой надписи: «Пр вернулся»?

– Надрезы сделаны очень острым предметом.

– Тоже мне, новость...

Флавиан взял руку Манон и повернул ее:

– Судя по глубине проникновения, автор этой дикости действовал с крайней жестокостью... Но это еще не все...

Флавиан осторожно приподнял простыню.

Люси стиснула зубы:

– Черт...

Живот Манон пересекали два широких разреза. Два беловатых, ровных, уродливых шрама. Они как будто складывались в буквы, слова, фразы, разобрать которые было невозможно. Разве что...

Люси склонилась над спящей:

– Что это...

Она отступила к изножью кровати.

– Да... Эти разрезы сделаны таким образом, чтобы они читались в зеркале, – объяснил Флавиан. – Странно, если присмотреться, они отличаются один от другого. Как будто два разных почерка.

– Думаете, над этим произведением трудились двое?

– Да, мне так кажется. И чтобы вот так зарубцеваться, они должны были быть сделаны не меньше месяца назад.

Люси попыталась расшифровать надписи. Под грудью она различила слова: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов». И прямо под ними: «Найти могилу...» Последняя буква заканчивалась длинной линией, которая тянулась влево. Очевидно, «гравировка» была внезапно прервана, лезвие прошло почти на десять сантиметров вглубь.

– Черт... Как это понимать?

– Не знаю. В любом случае совершенно ясно, что она должна была видеть эти фразы каждый день, когда, одеваясь,

смотрелась в зеркало. У нее нет никакой возможности не замечать их. Что-то вроде...

– Стигмата. Или клейма.

– Да. Или наказания.

Люси взглянула на правое плечо Манон с татуировкой в виде раковины, потом некоторое время, словно загипнотизированная, бездумно взидала на экран работающего слева электрокардиографа. И вдруг попросила Флавиана:

– Доктор, вы не могли бы разбудить Манон? Мне... Мне необходимо допросить ее!

– Не сейчас! Да и вообще, что вы надеетесь услышать? Вполне возможно, она не помнит, что означают эти надрезы!

– Вспомнит, непременно. Эти насечки причинили ей страдания, она... Она не могла забыть. Сколько времени? Через сколько времени я смогу поговорить с ней?

– Через час или два. Но после пробуждения она будет нуждаться в полном покое. У меня сложилось впечатление, что вы не совсем ясно понимаете ситуацию.

Ухватив Люси за локоть, доктор увлек ее в другой конец палаты.

– Очнувшись, она никого не узнает. Она не будет знать, почему находится здесь, а также – что она делала в последние годы. Она узница настоящего, вы обязаны понять это! Некоторые люди, страдающие амнезией, забывают даже, что потеряли память: они, подобно золотым рыбкам, плавают в своем аквариуме! Рубцы на животе – это, возможно, един-

ственные ее ориентиры. Или, наоборот, му́ка, которую она ежедневно терпит. В любом случае давайте поосторожней, ладно?

Слегка скривившись, Люси кивнула. У нее начинала побаливать голень. Многовато пробежек за последние дни...

– Скажите, – начала она. – Доктор Хардиф назвал мне имя ее психолога, некоего Ванденбюша...

– Скорей ее невролога...

Казалось, Флавиан колеблется.

– Хорошо, попробую переговорить с ним... Мне бы самому хотелось лучше разобраться в этой безумной истории.

Люси почувствовала, что у нее в кармане завибрировал телефон.

– Лейтенант? Это Грё!

Майор буквально орал в трубку, пытаясь перекрычать рев дождя, обрушивавшегося на полицейский автомобиль.

– Мы сделали, как вы сказали, не стали вас дожидаться! Вот только что приехали в окрестности Рема, на место, которое указал парень, подобравший Манон Муане! Правда, наши коллеги из жандармерии были уже там, они приехали на ДТП, случившееся из-за этой проклятой рухнувшей ветки!

– У вас что-нибудь есть? – спросила Люси.

– А то! Будете довольны! Или нет, вот уж не знаю! Когда мы рассказали жандармам, что именно на этом месте была обнаружена девушка, они не стали тянуть резину и сразу прочесали лес! Там поблизости ничего нет, кроме охот-

ничьей хижины, метрах в ста от шоссе, в подлеске! Так вот, знаете что? Бинго!

Он прокашлялся.

– Я как раз только что вернулся из этой хижины! Думаю, дело серьезное! Похоже, придется поднимать людей!

– Что там? Труп?

Грё завопил еще громче:

– Да не совсем! Вас надо сюда привезти, это что-то необъяснимое, никогда в жизни такого не видел! Нам... Нам поставили ультиматум! Если верить следам на стенах, если мы не поторопимся, труп не замедлит появиться!

Энтони с довольным видом закрыл крышку мобильного и сунул его в карман.

По последним новостям, Люси только что села в свою машину на парковке возле собственного дома и теперь направлялась в сторону Валансьена. Почему она не поднялась в квартиру хотя бы на пять минут, чтобы проверить, все ли в порядке? Странная баба.

Во всяком случае, вернется она не сразу. Как порядочная мать, она спросила, чем он занимается. Тогда он запросто рассказал ей, что сидит в кресле напротив крепко спящих малышей и решает sudoku.

А теперь, уверенный, что его не потревожат, студент отправился на разведку.

Благодаря выключателям с реостатами – пожалуй, единственному имеющемуся здесь хай-тек-устройству – он убавил освещение, что дало ему возможность разгуливать по трехкомнатной квартирке, не боясь разбудить девчонок.

Во-первых, компьютер. Он включил монитор. Ну-ка, ну-ка, на экране высветился сайт знакомств «Meet4love». Страница полицейской дамочки: «Тридцать лет, энергичная, вечером сова, по утрам – жаворонок. Характер, свойственный уроженкам Дюнкерка. Железная воля и нежная душа. Привлекает тайна и магия взгляда. В будущих отношениях

предполагается значительное место для двух моих дочек». Усмехнувшись, Энтони позаботился выключить монитор и решил обследовать мебель в углу гостиной. Когда он только пришел, лейтенант в спешке засовывала туда какие-то документы и книги. Ей, должно быть, невдомек, что нет человека, любопытней его.

В верхнем ящике обнаружилось сочинение по практике вуду с вырванными страницами. Внутри – рисунки близнецов. Фотографии жестоких ритуалов, сделанные автором книги. Просто невероятно. Под книжонкой – ксерокопии. Подробные описания, истории болезней, очевидно засекреченные, касающиеся американских серийных убийц, с жутко кровавыми фотографиями, как и положено.

Слегка озадаченный Энтони принялся размышлять. Кто же такая эта Люси Энебель, образованная и хорошо воспитанная барышня, которую он изредка видел по утрам и вечерам, молодая женщина, никогда не приводившая к себе ни баб, ни мужиков, не устраивавшая шума и вечеринок? Какого черта мать двух малышей занимается такими гнусностями? Ему, интересующемуся в основном только робототехникой и «кустарным» производством декодеров шифрованных программ для родственников, все это казалось очень далеким от его мира.

Что, однако, не помешало ему открыть спрятанный под грудой бумажного хлама старинный трактат о препарирова-

нии, озаглавленный «Anatomia magistri Nicolai Phisici»⁸. Это явно был оригинал, страницы от времени пожелтели и pokryлись рыжими крапинками. Тщательно сделанные рисунки изображали различные мышцы человеческого тела в разрезе. На некоторых был представлен распятый на кресте человек, которого кромсали ножами пышнобородые ученые, оставляя на его теле разверстые багровые раны. Настоящий гимн страданию.

Наткнувшись на листки бумаги с пятнами крови – реально настоящей крови, он бы дал руку на отсечение, – Энтони захлопнул обложку и торопливо снова засунул фолиант поглубже в ящик.

«Хорош дрейфить! Тебе не пятнадцать лет!»

Вид спящих малышей успокоил его, он взял себя в руки. Энтони мог не бояться, что Энебель его застукает, поэтому решил изучить ее спальню – просто чтобы слегка развеяться. Он сидит с близняшками и не делает ничего дурного... Но ведь надо же чем-то себя занять. Ну и сфотографировать на мобильник трусики инспекторши, впрочем аккуратно сложенные... Забавный охотничий трофей...

Он повернул ручку двери и снял кроссовки «Reebok», чтобы наверняка не оставить следов на ковровом покрытии. Он, конечно, не полицейский, но и не полный кретин.

Спальня опрятная и скромная, как и вся квартира. Ника-

⁸ «Руководство по анатомии» (лат.). Возможно, имеется в виду трактат голландского анатома Николаса Тульпа (1593–1674).

ких ненужных безделушек. Только щетка для волос на кровати, фотографии близняшек и книжка. Еще одна мерзость, последний роман Гранже, история о свихнувшемся убийце...

Нет, ну правда, о чем думает эта тетка? Этим служащим из судебной полиции мало их работы, чтобы по вечерам еще глотать такие кровавые книжонки?

Его взгляд привлек голубоватый блеск пистолета, лежащего на крышке высокого соснового сундука. Энтони кончиками пальцев прикоснулся к кожаной кобуре.

Рядом он заметил сумочку с застежкой-кнопкой. Внутри крошечный ключик, которым наверняка открывается сейф или личный ящик в комиссариате. Студент положил ее на место и вытащил из чехла девятимиллиметровый «зиг-зауэр». Оружие ловко легло в ладонь. В свои двадцать два года Энтони никогда не держал в руках ничего подобного и сейчас испытал ощущение силы. Он повертел самозарядное оружие, прикинул его вес и осознал, что, прикрыв один глаз, целится в светильник над изголовьем кровати.

С его губ сорвалось: «Бабах!» Крутой револьвер! Нет, это не «револьвер», а пистолет, без барабана. Единственное, что он знал про такие пушки из сериалов, которые тупо смотрел по телику.

«Зиг-зауэр», магазин на пятнадцать патронов плюс один. Кстати, он заряжен? Интересно, эта придурочная им пользовалась? Где-нибудь в Лилль-Сюд или в горячих местечках

Рубе?

Внезапно Энтони стало не по себе. Такая игрушка может убить. Он всунул пистолет в кобуру и положил точно на прежнее место. Энебель ничего не заметит.

Он уже собрался было изучить содержимое сундука, но его внимание привлек стоящий в углублении стены шкаф с тонированными стеклами. Он присел и попытался открыть дверцу. Заперта. Энтони приник к стеклу. Внутри что-то овальное... Ему не удавалось как следует рассмотреть, что это. В любом случае что-то необычное.

На верхней открытой полке валялась куча фотоснимков. Он бегло окинул их взглядом. На одном из них Энебель, девочка лет десяти, среди родных. Сразу видно, единственная дочь; предки у нее, судя по шмоткам и фасаду их домишка с облупившейся штукатуркой, не слишком богатые. Наверняка дочь рабочего, может стоящего у конвейера. Теперь-то она, со своей полицейской формой, должно быть, чувствует себя во всеоружии... Энтони хихикнул и занялся другими фотографиями. Близнецы со сливочным мороженым, близнецы на море, близнецы в ванночке... Можно не сомневаться, она любит своих крошек.

Он снова заинтересовался шкафом. Что она может там прятать? Отрезанное ухо? Отрубленный палец?

Необходимо найти ключ. Может, тот, что лежит в кожаной сумочке? Это ключ, которым она, судя по всему, часто пользуется, потому что хранит в надежном месте, в поле зре-

ния. Ей явно не хотелось бы, чтобы он потерялся или валялся неизвестно где.

Разве что сегодня вечером...

Энтони положил сумочку на кровать и достал заветный кусочек металла. Сжав его в руке, он на мгновение заколебался. Имеет ли он право так глубоко вторгаться в личную жизнь этой женщины? Подумаешь! Он никому не скажет про небольшое отклонение в своем поведении. Тот, кто изготавливает пиратские декодеры, умеет хранить тайну.

Ключик идеально подошел к замочку.

В Энтони поднималась волна тревоги, но он медленно открыл стеклянную дверцу и схватил большой ламинированный лист.

Рентгеновский снимок. Точнее, фотография УЗИ.

Энтони встал под потолочный светильник и принялся внимательно разглядывать свою находку. Ему удалось различить прозрачное пятно и угадать форму фасолинки. Точнее, двух.

Близнецы.

Он пожал плечами. Страшное разочарование. И что же, это все? Просто фотка двух девочек до их рождения?

Он снова подошел к шкафу и обнаружил еще один снимок, но не успел его рассмотреть. Потому что увидел за ним еще что-то.

Что-то невообразимое.

Его лицо исказила жуткая гримаса.

Люси потеряла глаза. Отопление в ее стареньком «форде» не справлялось с паром, осевшим на ветровом стекле. В прошлом месяце какие-то кретины отломали радиоантенну, и в довершение всего теперь через образовавшееся в крыше отверстие в салон сочилась вода. Люси полагала, что на свою лейтенантскую зарплату и премиальные она могла бы иметь что-нибудь попросторнее, чем ее домик в Мало-ле-Бэн. Но Лилль дорогой город, а цены на жилье и вовсе зашкаливают. И это еще если не считать расходы на няню, съедающие треть ее доходов. Так что о новой машине оставалось только мечтать...

Люси уже полчаса ехала в сторону Валансьена. Дождь не утихал. Наконец вдалеке она разглядела огни периметра безопасности. Уже близко. Пожарные и жандармы, насквозь промокшие, как зрители маяка. Позади них два смятых автомобиля, груда резины и искореженного металла.

Люси припарковалась на обочине, позади другой машины, застегнула куртку до самого подбородка, прихватила фонарик и, накрывшись с головой водонепроницаемой накидкой, побежала к пожарному.

– Люси Энебель! Судебная полиция Лилля!

Тот указал вытянутой рукой в сторону леса.

– Туда! – прокричал он. – Прямоком, метров триста! Там

ваш коллега!

– А авария? Что произошло?

– Ветка на дороге! Лобовое столкновение! Мы еще их не достали из машины!

– Погибшие есть?

– Двое! Я пошел! Такой погодки мы отродясь не видали! Со вчерашнего дня работы непроворот!

Люси надела накидку. Вокруг столкнувшихся автомобилей суетилось с дюжину людей, другие, в нескольких метрах от них, наблюдали. Темные силуэты во тьме. Они всегда оказывались на месте аварии, эти пришедшие неизвестно откуда любители страшилок.

Светя фонариком, Люси шагнула на топкую дорожку между деревьями. Что она делает здесь, вдалеке от своих девочек? Все произошло так быстро.

Она подумала о муках, которые должна была перенести Манон, растерянная, неспособная сориентироваться, с этой единственной фразой, запечатленной на ее ладони: «Пр вернулся». Может, она сама изувечила себя. Чтобы принудить себя к бегству. И понять причину этого бегства.

Когда Люси добралась до хижины, ее ботинки и джинсы были облеплены черной грязью. Стоя под козырьком крыльца, Грё разговаривал с двумя жандармами в форме. Она поздоровалась, сняла накидку и, тряхнув волосами, попыталась хоть немного обсушиться.

– Будьте осторожны, смотрите, куда ступаете, – предупре-

дил ее один из жандармов, когда она толкнула дверь.

Едва войдя, она тотчас заметила внутри нечто вроде колышущегося моря, отливающего желтым и красным. Люси замерла.

– Спички, – пояснил идущий следом за ней с мощным аккумуляторным фонарем в руке Грё. – Думаю, за всю свою жизнь курильщика я столько не использовал.

Три четверти поверхности пола были усеяны мелкими деревянными палочками. Сколько их? Тысячи?

В углу Люси заметила веревки. Она подняла голову. На левой стене пламенела написанная чем-то красным, напоминающим кровь, фраза: «Принеси ключ. Возвращайся ползти Других. И отыщи среди спичек то, что мы собой являем. До 4:00».

Рядом Люси разглядела следы грязи.

– Это они натоптали? – прошептала она.

– Ну да, – подтвердил майор. – Они отбыли незадолго до нашего появления, но ничего, они совершили промах – не сильно напачкали на месте. Здесь все нетронуто.

– А ты? Ты что, приехал один?

– Разве вы не видели на шоссе Адамкевича? Он остался возле разбитых машин. Там два трупа, он пытается понять, нет ли связи со всем этим чертовым бардаком... пусть даже это маловероятно... Ну да вы же его знаете, вечно сует повсюду свой нос...

Грё высморкался и спросил:

– Вы можете наконец объяснить мне, что происходит? Кто такая эта Манон Муане, твердо уверенная, что ее мать жива, хотя та померла сто лет назад?

Молодая женщина кратко изложила коллеге ситуацию. Скитания Манон. Неотложка. Амнезия.

– Да... поганая история, – заключил Грё, поглаживая усы. Люси, крепко сжав губы, вертела в руках мобильник. Мокрые джинсы прилипли к телу. На редкость противное ощущение.

– Ладно... надо зафиксировать место происшествя. Я позвоню в дежурку научной лаборатории, пусть пришлют к нам группу для отбора первых образцов, пока не рассвело.

– Вы уверены? Судмедэксперты не любят, когда их беспокоят по ночам. У нас нет тела.

– Незаконное лишение свободы наказывается по меньшей мере двадцатилетним сроком заключения, так что, уж ты мне поверь, мы сейчас побеспокоим этих господ. А ты видел это гнусное послание? У тебя фотоаппарат есть? А полипропиленовые ленты? Латексные перчатки? Мне бы хотелось взглянуть поближе.

– Да нет, я как-то не привык разгуливать в костюме Белого Кролика⁹.

– А в багажнике?

– Ну, кое-что найдется...

⁹ Вероятно, это отсылка к Белому Кролику в перчатках из «Алисы в Стране чудес».

– Тебе улыбается сгонять туда-сюда в эту грозу?

– Позвоним Адамкевичу? Он тут недалеко!

– Нет, пусть лучше продолжает заниматься своим делом.

Ведь не хочешь же ты, в самом деле, чтобы туда пошла я? Где твоя галантность?

Грё что-то пробурчал, застегнул пальто с капюшоном и растворился в потоках воды.

Люси обследовала замбк и взглянула на покуривающих под навесом крыльца жандармов. Один из них щелчком отбросил обгоревшую спичку.

– Постарайтесь здесь не мусорить! – проворчала она. – Необходимо сохранить место происхождения в первоначальном виде. Или вам это неизвестно?

– Лилльская судебная полиция в действии! – обернувшись, бросил толстопузый. – Вы что, видели хотя бы тень трупа, а? Вот тоже, юношеские бредни по любому поводу! Или вот еще взять экологов, они тоже на это способны! В последнее время у них нервы на пределе! Они да еще охотники, знаете... – Он пожал плечами и продолжил: – Извините за выражение, но я никак не въезжаю, что именно визитеры из Лилля забыли в наших краях, ведь не ради надписей на стенах и спичек они притащились в эту жалкую лачугу! Не дают нам заниматься делом, а у нас тут авария. Вдобавок в такую погоду, может быть, не единственная!

Люси не ответила. Она решила перейти на более примирительный тон:

– Этот охотничий приют открыт всегда?

– Да. В любом случае красть здесь нечего, ломать тоже. Всего лишь обычное укрытие. Крыша, пол, четыре стены.

– А ключ? От этой двери? Где он?

– Ха-ха-ха! Так вы уже ломаете голову над этой надписью? «Принеси ключ»? Да, вы времени даром не теряете! Откуда мне знать? Может, надо было бы сходить в мэрию. Но только не раньше девяти утра. Иначе там будет закрыто.

Его коллега изобразил улыбку и снова затянулся сигаретой.

Люси поняла, что настаивать бесполезно. Она тщательно осмотрела землю перед хижинкой. Грязь, вода, сплошное месиво. С такой погодой никакого шанса обнаружить хоть слабый отпечаток.

Она обвела взглядом окружающие деревья. Похититель. Уединенный пустой приют. Непонятное предупреждение. Хитроумная загадка. Предвестники страшной неразберихи.

Профессор... Дело контролируется Парижем, она о нем знает не больше, чем сообщают в средствах массовой информации: убийца чрезвычайно изощренного ума. Непредсказуемый. Его ни разу не удавалось задержать.

Почти четыре года... Как человек, совершивший шесть убийств, мог прекратить убивать и так надолго затаиться? За редчайшим исключением, серийные убийцы никогда не действуют таким образом. Им мешают неосознанные стремления, их дикие фантазии. Им необходимо постоянно убивать,

снова и снова совершать свои преступления. Люси горько пожалела, что у нее нет доступа к более подробной информации об этом убийце.

Когда вернулся запыхавшийся Грё, Люси сняла обувь и носки и, под изумленными взглядами жандармов, сунула ноги в полиэтиленовые мешки, а на руки натянула резиновые перчатки. Затем она снова вошла в хижину, куда за ней последовал ее коллега, и принялась безостановочно щелкать фотоаппаратом. Закончив фотофиксацию, она стала изучать валяющиеся на полу обрывки веревки, стараясь не нарушать расположение спичек на полу.

– Следы крови... У Манон была искромсана рука... Судя по длине веревок, похититель должен был связать ее с ног до головы. Кончики обожжены, чтобы нейлон не распустился, значит они не были разрезаны.

– Тогда как же она развязалась?

– Узлов не видно... От них на нейлоне непременно остаются следы. Скрученный нейлон сохраняет форму, верно?

– Может быть. Я не специалист по играм садомазо.

– Другая странность заключается в том, что все веревки собраны в одном месте. Почти аккуратно сложены... Надо будет посмотреть снаружи, но априори кляпа я не вижу.

– Да ну... Можно было не опасаться, что ее кто-нибудь услышит. Не скажешь, что здесь бродят толпы народу. К тому же дождь лил как из ведра.

– Да... Или же она была без сознания...

Люси с хирургической тщательностью обследовала стены.

– Этот тип, должно быть, заранее присмотрел место, чтобы убедиться, что его не потревожат, когда он будет разыгрывать свой «спектакль».

– Думаете, это кто-то из местных?

– Не обязательно.

Люси размышляла вслух:

– Он привозит ее сюда связанную и без сознания. Укладывает в угол и развязывает узлы. Пишет на стене свое предупреждение и, прежде чем исчезнуть, раскидывает по полу килограммы спичек. Очнувшись, Манон, в состоянии амнезии, решает сбежать.

– Чертовски логично... Похитить жертву, чтобы потом дать ей возможность сбежать...

Не отвечая, Люси склонилась над спичками:

– Может быть, он просто воспользовался ею, чтобы направить нас сюда? Чтобы мы прочли его послание? Человек не сможет вспомнить его лица. Это подразумевает, что он так или иначе с ней знаком... Или же имел доступ к ее истории болезни. Затем эти странные шрамы... Может быть...

«Ну вот, началось...» – подумал Грё и вздохнул.

– Но к чему столько усилий? – прервала свои размышления Люси. – Почему бы попросту не сделать анонимный звонок, которой привел бы нас прямо сюда?

– Ради красоты действия, разумеется, – сыронизировал майор. – Телефонный звонок? Слишком убого.

Люси вздернула подбородок:

– Издеваешься?

– Нет, но... Обычно мы не имеем дела со светочами мысли...

Опершись ладонями о колени, Люси выпрямилась:

– Запиши-ка... Запиши, что надо проверить, не была ли подпилена ветка, спровоцировавшая аварию. Наш похититель вполне может оказаться способным на такой бредовый поступок.

Не открывая блокнот, Грё грыз колпачок ручки.

– Ну, знаете, все же не стоит заблуждаться... Такие психи существуют только в кино и в вашем воображении.

Люси испепелила его взглядом. Внезапно осознав свою оплошность, Грё покраснел. Все в бригаде знали гнусную историю девочки-диабетички. «Комнату мертвых», где реальность сильно превзошла вымысел.

Наконец Энебель сосредоточилась на странных надписях.

– Краска... – заключила она.

– К счастью. Лучше так, чем... Ну, теперь вы понимаете...

– Да, я понимаю. «Принеси ключ. Возвращайся позлить Других. И отыщи среди спичек то, что мы собой являем. До 4:00». Что за тарабарщина! Меня это пугает! Какой еще ключ?

– А как насчет спичек? Что вы об этом думаете?

Люси покачала головой:

– «И отыщи среди спичек то, что мы собой являем». Мо-

жет, надо просто сосчитать их... Но это отнимет у нас массу времени. К тому же не стоит забывать, что мы почти наверняка ошибемся. Их здесь столько...

– И все же? Допустим, мы получим число пять, десять или пятнадцать тысяч. Или даже десять тысяч пятьсот сорок один или пятнадцать тысяч пятьсот шестьдесят девять. И что? Это как-то поможет нам продвинуться?

Люси обвела комнату взглядом:

– У нас нет ключа. Кто такие «Другие»? Отметь, что это слово он написал с большой буквы.

Грё торопливо перечитал фразу на стене.

– Ух ты, я и не видел!

– Нет, это невозможно! А сейчас, майор, начинаем работать, о'кей? – Люси нервно посмотрела на часы...

– У нас остается всего три часа... Надо считать, я уверена, что надо считать...

– Честно говоря, мне неохота. У меня и так уже глаза от усталости лопаются.

Она снова присела на корточки и провела пальцами по тонким деревянным палочкам:

– «И отыщи среди спичек то, что мы собой являем». У Манон здесь своя роль, он воспользовался ею, чтобы привлечь наше внимание, привести нас сюда в тот самый срок, который сам же и назначил...

Люси резко поднялась. Она вдруг поняла, почему похититель освободил свою жертву.

Это же так очевидно!

Манон и есть ключ. Ключ к пониманию послания.

Люси вышла на крыльцо. Вокруг по-прежнему враждебно шумел лес. Жандармы одновременно бросили окурки на землю.

– Вы прикасались к спичкам? – спросила их лейтенант Энебель. – Брали их?

Тот, что с пузом, – снова он – с удивлением посмотрел на нее:

– Ну да, две-три. Нам показалось... прикольным прикурить от них. Надо же было как-то скоротать время до вашего приезда.

– Так сколько? Две? Три?

– Да вы что? Откуда я знаю? Две, три, восемь, двенадцать! Какая разница? Там их еще тысячи! Не станете же вы плакать из-за нескольких спичек? На свете есть дела поважнее, верно?

Люси достала мобильник:

– Придется будить командира бригады, пусть разберется с прокуратурой Валансьена, чтобы дать нам подмогу и начать юридическую процедуру.

– Вы совсем, что ли, или как? Зачем вызывать подкрепление?

Жандарм глянул на своего коллегу:

– Да и вообще, мы тут ни при чем, это ваше дело. Это у вас под ногами земля горит, а не у нас...

Люси не отреагировала.

– Господа, я взываю к вашей доброй воле и прошу вашего сотрудничества. Как только наши коллеги-криминалисты возьмут образцы, надо будет сосчитать спички, учитывая и те, что брошены в грязь. И без ошибок.

– Вы нас разыгрываете?

Люси рассердилась. Теперь она значительно повысила голос:

– Разве это похоже на розыгрыш? Я делаю свою работу, только и всего! Перед нами преступник, который похитил женщину, а нам ставит ультиматум! Вы что хотите? Торчать здесь и ждать?

Жандармы молчали. Люси повернулась к двери:

– Грё, с этого момента следи, чтобы никто ни к чему не прикасался! Я возвращаюсь в больницу! Манон – это наш ключ!

Майор, которого она вытащила из постели, поначалу довольно резко ответил на ее звонок. Однако, почувствовав ее настойчивость, очень скоро понял, что дело серьезное. Он знал, что в любом расследовании первые часы – самые важные. Следовало действовать быстро. Через полчаса здесь будут криминалисты.

Закончив разговор, Люси бегом бросилась в лес.

Ей надо было поскорее добраться до больницы, чтобы увидеть Манон.

Какое чудовищное количество спичек... Сосчитать...

действительно ли это решение? Или пустая трата времени? Может, это ловушка, чтобы впустую отвлечь внимание, монополизировать силы полиции?

А главное, что должно произойти в 4:00?

Взвизгнув тормозами, автомобиль Фредерика Муане припарковался на стоянке клиники имени Роже Салангро. Он хлопнул дверцей «БМВ» последней модели и исчез за дверью отделения неотложной помощи. После проверки документов ему сообщили номер палаты, в которой находилась его сестра. Он побежал по коридору, за его спиной шурша развевался длинный серый плащ.

Фредерик вошел в слабо освещенную ночником палату. Мужчина, сидящий под прикрепленным к стене телевизором, поспешно поднялся, чтобы представиться. Доктор Ванденбюш.

– Спасибо, что позвонили, – произнес Фредерик, пожимая неврологу руку. – Но почему вы ничего не захотели сказать мне по телефону? Что случилось? Как она себя чувствует?

От волнения Фредерик вспотел. Этот человек держался только силой воли. Иссиня-черные, зачесанные назад волосы еще больше подчеркивали его сходство со стремительным болидом, выпущенным со скоростью сто километров в час.

– Не беспокойтесь, она хорошо себя чувствует, – с легким бельгийским акцентом подбодрил его доктор. – Она спит, ей дали транквилизатор.

Фредерик достал из внутреннего кармана куртки чехоль-

чик кремового цвета:

– Нашел... он лежал возле компьютера у нее в квартире.

Врач с заметным облегчением прислонился к стене.

– Слава богу...

Фредерик вытащил «N-Tech» из кожаного футляра и положил на прикроватную тумбочку. Собеседник увлек его вглубь комнаты. Врач был растрепан и совсем не походил на того безукоризненного Ванденбюша, которого привык видеть Фредерик.

– Послушайте, господин Муане... Вашу сестру обнаружила полиция. Она бродила по улицам Лилля. Насквозь вымокшая, в спортивном костюме, абсолютно потерянная.

Медленно выдохнув, Фредерик закрыл лицо руками. Потом сощурился:

– Как? Но... Она не может заблудиться в Лилле! Это город ее детства, она знает в нем каждый уголок!

– Она не то чтобы потерялась... Она выбилась из сил...

Ванденбюш откашлялся. Казалось, он смущен.

– Я пока мало что знаю, но она... похоже, ее похитили и насильно удерживали. На запястьях и лодыжках мы обнаружили характерные следы. Следы веревок.

Фредерик мгновенно напрягся:

– Насильно удерживали! Надеюсь, вы шутите? Я видел ее еще сегодня утром.

Он подошел к сестре и нежно погладил ее по голове. А потом вновь обратился к доктору:

– И вы по-прежнему будете говорить мне, что эта проклятая рекламная кампания не представляет никакого риска?

У Ванденбюша был подготовлен ответ. Фредерик Муане всегда яростно противился тому, чтобы его сестра стала лицом «N-Tech».

– Если бы мы предполагали, что экспонирование ее портрета поставит Манон под угрозу, то не поступили бы так. И вам это известно.

– Тогда о чем мы говорим? О совпадении? Мою сестру похитили сразу после начала кампании *случайно*? В этом нет никакой *случайности*, господин Ванденбюш!

Врач схватил его за локоть, чтобы не дать подойти к кровати, и спокойно ответил:

– Ограбление произошло больше трех лет назад, причем в Кане! Как вам могло хоть на мгновение прийти в голову, что тот же преступник нападет на ту же жертву просто потому, что увидел ее фотографию на рекламном плакате? В этом нет никакого смысла!

Он посмотрел Фредерику в глаза и продолжил:

– Вот уже два года, как я занимаюсь Манон! Я знаю, и вам тоже это известно, что лечение необходимо продолжать! «MemoryNode» – программа, принципиально важная для нее. Для ее равновесия.

– Главное, она важна для вашей карьеры! Моя сестра не марионетка!

Невролог вздохнул:

– Давайте не будем опять возвращаться к этому спору. Не здесь... Тот факт, что Манон не помнит о большей части своих поступков, вовсе не значит, что она невменяема. Она сохранила все свои интеллектуальные способности, каждый день она делает успехи и справляется лучше, чем кто-либо другой. И она пришла к такому решению самостоятельно. Она приняла предложение «N-Tech». И деньги. Так что хватит об этом.

Фредерик с досадой покачал головой:

– Мне пришлось продать наше семейное предприятие, чтобы переехать сюда, чтобы... обезопасить ее от обидчика. Я увез ее из Кана, города, где была убита наша сестра, города, где Манон спустя полгода потеряла память! Я живу вместе с ней, в одном доме, я помогаю ей бороться с недугом, забыть... Профессора... И вот теперь...

– Я вас прекрасно понимаю. Но Манон является моей пациенткой, и сейчас она находилась в самой лучшей форме. «MemoryNode» приносит ей огромную пользу. Программа буквально преобразила ее. Вы не можете этого отрицать.

Фредерик промолчал. Ванденбюш потер переносицу, стараясь скрыть внезапное замешательство.

– Фредерик, вы должны мне кое-что объяснить. Один интригующий факт, который... не дает мне покоя.

– О чем вы?

Врач подошел к Манон и осторожно приподнял простыню, а затем зеленую сорочку:

– Эти шрамы...

Фредерик напрягся.

– Так я и думал, – продолжал невролог. – Вы в курсе... Вот эта надпись: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов» – сделана левшой. – Он указал на часы на правой руке Фредерика. – А вы левша.

– Да, так же как и вы...

– Шрамы имеют память. Если рассматривать эти надрезы с близкого расстояния, по направлению кожных краев можно догадаться, в какую сторону были прорезаны буквы. Это очень сложно, особенно в данном случае, когда текст написан зеркально. Однако это можно заметить по округлым элементам. В частности, по букве «о». Да, я сам левша или, точнее, амбидекстр, поэтому такие детали от меня не ускользнут... О чем это говорит?

Фредерик взорвался:

– Вы не должны были это видеть! Кто дал вам право вторгаться подобным образом в личную жизнь моей сестры? Если была нарушена врачебная тайна, я...

– Доктор Флавиан ни в коей мере не нарушил врачебную тайну. Он был уверен, что я в курсе. А я должен был бы быть в курсе!

– Это еще почему? Я помог ей сделать эти надрезы, потому что она буквально умоляла меня, вот и все!

– Она вас об этом умоляла?

– Записать эту бессмыслицу на своем теле стало ее навяз-

чивой идеей. Она непрестанно твердила, что это единственное решение, единственный способ полностью сохранить достоверную информацию. Что на ее теле никто не сможет уничтожить или подделать эту запись.

Взгляд Фредерика сделался отсутствующим, он словно заново переживал то тяжкое испытание.

– У меня не было выбора, она буквально впала в истерику. Вы прекрасно знаете, как она ведет себя, когда вобьет что-то себе в голову. Фиксирует свои мысли, делает аудиозаписи, постоянно, без остановки повторяет одно и то же. И тогда я сделал это, чтобы... чтобы помочь ей. И потому, что... у нее не хватало смелости решиться на это самой, как она, кстати, поступила в первый раз.

– Выходит, Манон уже подвергала себя такому самокалечению? Она никогда мне не рассказывала.

– С какой стати?

– Потому что это является частью терапии! Видите ли, более трети моих пациентов калечат себя! Они используют свое тело как блокнот для записей. И знаете, чем это все заканчивается? Психиатрической клиникой! Что означает эта фраза: «Отправляйся к Глупцам, неподалеку от Монахов»? А что за история с могилой? Как вы можете объяснить, что надпись так резко обрывается?

– Это довольно сложно. И у меня сейчас нет желания объяснять вам что-либо. Не время и не место.

– Опять какая-то связь с Профессором, я прав?

Фредерик не ответил. Он осторожно поправил на Манон рубашку и накрыл ее простыней. Ванденбюш не настаивал. Однако повторил:

– Да... Вам следовало бы сказать мне об этом...

Фредерик повернулся к нему и, сжав кулаки, закричал:

– Надо найти того гада, который ее похитил!

Губы Манон едва заметно шевельнулись. Фредерик присел на край кровати:

– Я здесь, сестренка. Не волнуйся...

Он взял Манон за руку и нащупал корку запекшейся крови. Заинтригованный, он повернул ее ладонь наружу.

Послание подействовало на него, как удар ножом.

«Пр вернулся».

Фредерик почувствовал, что ноги не слушаются его.

Прошное снова всплыло. То прошлое, которое Манон с диким ожесточением, день за днем, гнала прочь, доводя себя до болезни.

Профессор...

Фредерик схватил лежащий на тумбочке бинт и принялся перевязывать покалеченную руку сестры. Скрыть правду.

Стоящий за его спиной Ванденбюш не двинулся с места. Все его внимание сосредоточилось на органайзере. Он произнес:

– С некоторых пор меня не покидает одна мысль... Вы сказали, что обнаружили «N-Tech» в квартире Манон?

– Да, рядом с компьютером.

– А... А входная дверь была...

– Открыта, – перебил его Фредерик, заканчивая бинтовать.

– Вы, как и я, знаете, что Манон никогда не расстается со своим органайзером. Стоит ей хоть на минуту выйти на улицу, она берет его с собой. Фредерик... Я полагаю, что Манон похитили из дому... От вас... Из вашего собственного дома.

Муане мертвенно побледнел:

– Я сейчас вернусь. Мне нужно выпить кофе...

Он бросился к выходу. В вестибюле он столкнулся с бегущей женщиной. Взгляд у нее был весьма решительный.

Какая-то кудрявая блондинка в старых солдатских ботинках, сплошь покрытых грязью.

Торопливо приведя себя в порядок в туалете, Люси пригласила Ванденбюша к кофейному автомату, стоявшему в правом углу вестибюля, напротив стойки регистрации. Распластавшись в креслах, томились больные, бледные, как покойники. Отделение неотложной помощи постоянно находилось на грани между двумя мирами. Пробуждение, сон. Жизнь, смерть.

– Пока Манон не очнулась, расскажите мне ее историю, – начала Люси. – Кто она такая? Какой именно болезнью страдает?

Она сунула в щель автомата монетку и сделала себе крепкий кофе без сахара, а Ванденбюш выбрал горячий шоколад. Когда Люси повернулась к нему спиной, он с ног до головы осмотрел ее беспокойным, бегающим взглядом – особенно туго налитые ягодицы. Довольно забавно для такой миниатюрной женщины. Обута в какие-то отвратительные военные ботинки, покрытые, как и джинсы, слоем засохшей грязи. Пышная курчавая шевелюра могла бы подчеркнуть ее бархатистые округлости, если бы волосы не были так неловко прихвачены красной резинкой и не болтались мокрыми патлами. Что же до макияжа... его просто-напросто не было. Красота – это еще не все. Ванденбюш ненавидел неухоженных женщин.

– Впервые я встретился с Манон Муане чуть более двух лет назад, – заговорил он. – У нее были серьезные нарушения памяти. Примерно за год до этого в Кане Манон подверглась нападению.

Люси порылась в кармане и вооружилась блокнотом и дешевой обгрызенной ручкой.

– Значит, начало две тысячи четвертого... А что за нападение?

– Она застала у себя вора, тот попытался задушить ее. Жила она в богатом квартале, в предместье Кана. Тогда весь район охватила волна краж. Местная полиция подозревала организованную банду. И как раз в тот момент, когда незваный гость спасался бегством, привлеченные криками соседи постучали в дверь. Злоумышленник прихватил украшения и различные ценные вещи. Когда Манон обнаружили, она была без сознания. Живая, однако ее мозг получил непоправимые повреждения.

Люси торопливо царапала в блокноте какие-то значки, которые никто, кроме нее, не мог бы разобрать.

– И она потеряла память. Простите, одну из своих памятей, если я правильно поняла доктора Хардифа.

Ванденбюш на мгновение прикрыл глаза:

– Манон не потеряла память, или памяти, как вы говорите. Это происходит совсем не так, как показывают по телевидению, когда человек, страдающий нарушениями памяти, забывает абсолютно все, вплоть до того, что надо делать, что-

бы ходить. На самом деле памяти Манон почти невредимы.

– Ничего не понимаю. Страдает она амнезией или нет?

Невролог ответил спокойно, даже несколько напыщенно:

– Не делайте таких разграничений. Страдающий амнезией еще не значит совершенно потерявший память.

– Хорошо! Давайте ближе к делу! И постараемся не остаться здесь на ночь!

Неухоженная, но с характером. Может, даже властная. Это ему как раз нравилось в женщинах. Он пояснил:

– Все клетки человеческого тела поглощают кислород, переносимый красными кровяными тельцами. Но если есть среди них особенно прожорливые, то это, вне сомнения, нейроны гиппокампов, их два, и расположены они в медиальных височных отделах полушарий. Их форма напоминает хвост морского конька. Потому они так и называются.

– Логично для гиппокампов...

Прежде чем продолжать, Ванденбюш изобразил улыбку:

– Мы можем представить себе эти крошечные зоны как пункты сбора воспоминаний, ответственные за передачу свежих данных, эмоций, полученных от кратковременной памяти, и перевод их к различным областям долговременной памяти.

Он умолк, заметив, что Люси с трудом успевает записывать.

– Скажите, у вас в полиции что, нет диктофонов?

Не поднимая головы от своего блокнота, Люси с раздра-

жением взглянула на него:

– Пожалуйста, продолжайте.

Доктор подстроился под ее темп и заговорил медленнее:

– Множественные проходы информации через гиппокампы, той информации, которую человек хочет сохранить, позволяют ей остаться в коре головного мозга, в зоне, отвечающей за автобиографические события и факты эпизодической памяти, чтобы создать воспоминание. Но хоть на мгновение лишите гиппокампы кислорода или сахара, и они засохнут, как блины. И пострадает фабрика по производству воспоминаний. Речь идет о необратимых поражениях, являющихся последствиями кислородной недостаточности.

Отхлебнув горячего шоколада, Ванденбюш скривился. Такой же невкусный, как в клинике Свингедоу.

– Гиппокампы действительно крошечные, размером всего несколько миллиметров, что увеличивает их уязвимость. Они первыми страдают, когда кровь перестает циркулировать в мозгу. В большинстве случаев они выживают после подобных воздействий. Однако Манон тогда находилась в состоянии сильнейшего стресса. При этом уже было доказано, что глюкокортикоиды, выделенные по причине стресса, а именно кортизол, уменьшают нейрогенез в гиппокампах и атрофируют их. Подобные клинические случаи были констатированы, например, у воевавших во Вьетнаме американских солдат или у детей – жертв инцеста, которые, говоря научно, представляют наиболее благоприятную среду для по-

вреждения памяти.

– Каков же вывод?

– Относительно Манон скажем, что асфиксия, а следовательно, нехватка кислорода серьезно повредила еще прежде пострадавшие гиппокампы.

– Только повредила или окончательно разрушила?

– И то и другое. Если бы они были полностью поражены, у Манон проявлялись бы необратимые нарушения ощущения пространства. Она была бы совершенно дезориентирована и не способна существовать без посторонней помощи. Это, кстати, относится к основной массе моих пациентов. Однако у Манон левый гиппокамп сегодня функционирует на десять процентов своих возможностей, а благодаря нашей программы мы каждый месяц получаем дополнительный объем. Манон может хранить словесную или звуковую информацию в течение трех или четырех минут, а это даже дольше, чем если бы она ее записала и часто перечитывала.

– Выходит, ее память похожа на... затухающий огонь, который оживляют, подбрасывая дрова?

– Если хотите. А если этот огонь, как вы говорите, не поддерживать, все исчезает... Манон забывает. Чтобы закрепить в памяти, она день за днем должна слушать аудиозаписи, запуская их многие десятки раз. Ей приходится прилагать невероятные усилия, чтобы сохранить крошечное количество информации.

– Это чертовски сложно понять. Признаюсь, мне с трудом

удается.

– Представьте просто, что вам в младших классах задали выучить стихок. Вы читаете его один раз и ничего не запоминаете. Если вы будете перечитывать его каждый день по многу раз, то в конце концов выучите наизусть и сможете без запинки рассказать у доски перед всем классом. Но потом, если вы перестанете его повторять, он постепенно сотрется из вашей памяти, оставив только какие-то обрывки фраз вроде: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру...» Именно так функционирует память Манон. Только непрерывное повторение дает ей возможность выучить. Тогда ее памяти удастся восстановить информацию, но без сопутствующих ей ощущений. К тому же в определенный момент, без тренировки памяти или ее поддержания, чтобы быть точным, почти все в конце концов исчезает.

Ванденбюш приложил указательный палец к своему правому виску:

– Что же касается ее правого гиппокампа, того, от которого зависит зрительная память, то он атрофирован на девяносто пять процентов. Войдите в палату, молча пожмите ей руку и выйдите. Если что-то ее отвлечет: какой-то шум, автомобильный гудок или гром, тогда, даже если вы вернетесь через минуту, она вас не узнает. Ее мозг не в состоянии хранить образы или лица.

Люси в задумчивости грызла ручку.

– Короче говоря, Манон напрочь забыла все, что произо-

шло после нападения, но не то, что было прежде? Обратная амнезия?

– Скажем так: Манон забыла все, что она не записала и не попыталась выучить, то есть девяносто девять процентов своей жизни. К тому же ретроградная амнезия, так называемая амнезия «путешественника без багажа», почти всегда сопровождается антероградной. Так что утрата воспоминаний касается, в разной степени, и периода, предшествовавшего этому... низвержению в страну забвения. В случае Манон это полная утрата воспоминаний, относящихся к тому, что произошло за два месяца до нападения, воспоминания о еще более отдаленных событиях постепенно стабилизируются.

– То есть это значит, что она, например, не может вспомнить лицо грабителя... Или каким образом он на нее напал...

– От вас ничего не скроешь. Ей бы пришлось заучивать наизусть протокол с описанием совершенного на нее нападения, можете себе представить? В любом случае из-за своего правого гиппокампа она не узнает его в лицо. Она превратилась в так называемого прозопагностика¹⁰. Даже если она тысячи раз будет рассматривать вашу фотографию, «физически» она вас все равно не узнает. Только слова или инто-

¹⁰ *Прозопагнозия*, или *лицевая агнозия*, – это расстройство восприятия лица, при котором способность узнавать лица потеряна, но способность узнавать предметы в целом сохранена.

нации смогут ей что-то подсказать. Ее мозг слеп, хотя и не полностью глух...

Люси постучала ручкой по своему блокноту:

– И все же... Что касается остального – других ее... способностей... Они действительно остались прежними?

Доктор кивнул:

– Манон невероятно умна. Она полностью сохранила способность решать сложные проблемы. К тому же она представляет собой пример на редкость организованного человека. В этом ей очень помогает новая технология. «N-Tech» со встроенным GPS и мобильный телефон всегда при ней, что бы она ни делала. Все в ее жизни распланировано, отмечено, записано. Что надо делать, чего следует избегать. Абсолютно все. Она – образец невероятной дисциплины. Сходите в ее квартиру, и вы поймете...

– Вы там уже бывали?

– Разумеется. Для меня первоочередной задачей является знакомство с условиями жизни моих пациентов.

– Ну да, конечно.

Поколебавшись, Ванденбюш продолжал:

– Знаете, Манон и прежде, до всех этих проблем, была женщиной неординарной. А теперь она еще больше отличается от остальных. Она компенсирует необходимость хранить воспоминания при помощи своего ума. Она приспособилась к своему недугу.

– В чем неординарной?

Ванденбюш с гримасой отвращения допил шоколад и бросил стаканчик в урну.

– В двадцать два года Манон получила диплом одного из самых престижных университетов. В двадцать три стала магистром математики в...

Люси совершенно произвольно подняла голову от блокнота и посмотрела на собеседника:

– Продолжайте, пожалуйста...

– ...в Технологическом институте штата Джорджия, в Соединенных Штатах. Потом... гм... Сложно четко обрисовать область ее исследований... Я сам не очень-то в этом разбираюсь, но Манон обладает даром просто и с увлечением рассказывать о том, чем она занималась раньше.

– И все же попробуйте. Хотя я из полиции, но мозги у меня есть.

Ванденбюш показал два ряда прекрасных белых зубов:

– Манон трудилась над одной из семи математических задач тысячелетия, касающейся... «качественной характеристики решений систем дифференциальных уравнений», над которой бились величайшие математики. Это настолько трудные задачи, что Математический институт Клэя¹¹ в Кембридже объявил премию в миллион долларов тому, кто найдет решение.

¹¹ *Математический институт Клэя* – частная некоммерческая организация, расположенная в Кембридже, штат Массачусетс (США). Был основан в 1998 году бизнесменом Лэндоном Клэем.

Люси присвистнула:

– Стоит поломать голову!

– Даже не пытайтесь. Сложность задач неподвластна нашему воображению. На этом уровне речь идет не о том, чтобы сломать себе голову над решением задачи, а об отречении от мира, принесении в жертву собственной жизни и жизни своих близких. Каждое доказательство требует многих сотен, нет, многих тысяч страниц! На самом деле Манон не работала непосредственно над решением проблемы, которой занималась. Ей, скорее, было поручено разобраться в предложенных другими математиками решениях и оценить их, а потом принять или отвергнуть.

Люси заметила, что в глазах Ванденбюша даже как будто светится огонек гордости, словно у берейтора, расхваливающего достоинства своей беговой лошади.

– Моя пациентка билингв: помимо французского, она в совершенстве владеет английским, знает латынь, а для развлечения занимается – точнее, занималась – изучением Фестского диска¹², одного из самых таинственных образцов иероглифического письма. Его язык до сих пор не расшифрован.

– Неслабое хобби.

– Вот именно. А в довершение сказанного страдающая ам-

¹² *Фестский диск* – уникальный памятник письменности предположительно минойской культуры эпохи средней или поздней бронзы, найденный в городе Фест на острове Крит. Помимо прочих, существует ряд гипотез о нелингвистическом характере изображений Фестского диска.

незией Манон обладает фантастической рабочей памятью, подобно великим шахматистам, способным за короткое время проанализировать огромное количество ходов.

– Вы сейчас говорите о другой памяти?

– Да. О краткосрочной, или рабочей памяти. Той, что позволяет вам, например, запомнить номер телефона на несколько секунд, чтобы набрать его, никуда не заглядывая. Вы, как и я, можете удержать в своей краткосрочной памяти в среднем семь элементов. Например, «дом, вулкан, коляска, губка, микроскоп, копирка, язык»... А вот Манон способна запомнить больше двух десятков.

Их разговор был прерван стремительным появлением Флавиана.

– Манон проснулась. И уже уткнулась в свой «N-Tech». Это поразительно, но она, кажется, возвращается к жизни. Хотя и не понимает, как она здесь оказалась. «Это не записано в моем „N-Tech“, значит это ненормально», – сказала она мне. Брат пытается успокоить ее, но он объясняет все так, как ему вздумается...

– А именно? – поинтересовалась Люси.

– Более... умиротворяющей версией происшедшего.

– Мы идем с вами, доктор, – решила она.

Флавиан движением руки удержал их:

– Прошу вас подождать еще несколько минут. Я только что отправил туда медсестру, чтобы она помогла Манон привести себя в порядок. И не забывайте, лейтенант, о том, что

я вам говорил, ей необходимы положительные ориентиры, а не поводы для тревоги! Так что спокойствие!

Прежде чем уйти, он с улыбкой обратился к Ванденбюшу:

– Дорогой коллега, попытайтесь ее сдерживать...

Люси даже не удостоила его ответом: она бегло просматривала свои записи в блокноте. И вдруг в упор спросила Ванденбюша:

– Вы обратили внимание на вырезанную у нее на ладони надпись? «Пр вернулся»?

– Да, я ее видел. Но, признаться, не совсем понимаю...

– Она думает, что речь идет о Профессоре, убийце, который свирепствовал здесь несколько лет назад.

Ванденбюш вдруг разнервничался:

– Она фантазирует. Это стало ее навязчивой идеей с тех пор, как...

– С каких пор?

Невролог сделал глубокий вдох:

– С тех пор, как он убил ее сестру... Карину.

Люси опешила, но тут же сопоставила факты:

– Ну да! Карина Маркет, одна из шести жертв! Могли бы сказать мне об этом раньше!

– Простите. Я не обладаю рефлексами, необходимыми для полицейского... Или полицейской, как правильно сказать?

– Понятия не имею. Расскажите мне, что вам известно об этой истории!

– На самом деле не так уж много. Это случилось до того,

как Манон стала моей пациенткой.

– И все же?

– Когда была убита ее сестра, Манон еще не имела проблем с памятью. Однако мне удалось узнать, что смерть сестры повергла ее в глубокую депрессию. Действительно, именно в тот момент она прекратила все свои исследования, прервала свою блестящую карьеру... И вбила себе в голову мысль выследить Профессора. Для нее это стало...

– Навязчивой идеей?

– ...Смыслом жизни. Ее брат рассказывал, что Манон тратила все свое время, все силы, чтобы отомстить за сестру. Она сумела установить прямые контакты с полицией, ей удалось ознакомиться с какими-то делами... Чтобы уяснить для себя логику действий убийцы, понять, какая дикая идея им движет, она беседовала с родственниками других жертв, судмедэкспертами, психологами. Она отдавалась этому с тем же жаром, с каким прежде занималась своими математическими задачами. С безграничной настойчивостью...

Немного помолчав, Ванденбюш продолжал:

– А потом, через полгода, случилась кража, которая так плохо обернулась для нее и все нарушила... По крайней мере, я так думал...

– То есть что значит, вы так думали?

– Всего пару часов назад доктор Флавиан показал мне шрамы на ее теле... Теперь я понимаю, что Манон никогда не переставала преследовать убийцу, даже в своем нынеш-

нем состоянии... Она блистательно скрывала свою игру, я вообще ничего не замечал... Поразительно, но она действительно на редкость умна.

– Вы полагаете, она и есть автор этих насечек на теле?

– Не просто полагаю, я в этом уверен! Она и ее брат. Он сам мне только что сказал. А Манон от меня их всегда скрывала...

– Брат? Но... Зачем?

– Понятия не имею. Он не захотел объяснять. Но я убежден, что эти раны имеют отношение к убийце ее сестры.

Люси закрыла блокнот. Голова гудела от вопросов.

Сестра Манон – жертва Профессора. Потом нападению подвергается сама Манон, это было три года назад. Кража. А теперь очередной стресс, как раз в самом начале рекламной кампании с ее участием. Простое совпадение? Возможно ли, чтобы она искалечила себе руку под влиянием страха, уверенная, что имеет дело с Профессором? Может ли ее недуг быть связан с галлюцинациями, рождал ли он мнимые воспоминания, «ощущения пережитого, дежавю»?

Необходимо было как можно скорее поговорить с Манон. Понять смысл этих загадок. Спички, «Другие», надрезы...

В вестибюле Ванденбюш достал из кармана визитную карточку:

– Вы, как и я, должно быть, задаете себе много вопросов. И их станет еще больше после общения с моей пациенткой. Она в самом деле поразительная личность. – Он протянул

карточку Люси. – Не стесняйтесь, звоните мне, если я могу оказаться чем-то полезен. А не хотите ли вы завтра пойти с Манон в клинику Свингедоу? Это помогло бы вам немного разобраться в причудливых свойствах нашего мозга. Это... необычайно интересно.

– Спасибо. Я думаю, нам с вами еще в любом случае придется встретиться.

Невролог кивнул и добавил:

– Главное, когда мы войдем в палату Манон, не забудьте – нельзя вносить никаких изменений в ее и так уже нарушенный привычный образ жизни. Для страдающего амнезией нет ничего страшнее, чем очнуться в незнакомом помещении. В такие моменты приходят в действие защитные инстинкты. Почувствовав себя в опасности, Манон может... начать нести околесицу... сделаться буйной.

– Знаю. Бедняга-водитель, который подобрал ее в Реме, за это уже поплатился.

Врач посерьезнел:

– И последнее, но очень важное. Ее мать покончила с собой, перерезав себе вены, вскоре после ограбления.

– Знаю... Психиатрическая клиника...

– Мари Муане не удалось пережить внезапного исчезновения ее дочери Карины и того, что случилось с Манон.

– Надо признать, и правда многовато...

– Разумеется... А вот Манон – как бы это выразиться? – предпочла игнорировать факт кончины матери.

– Предпочла?

– Да, предпочла. Манон сама строит свою жизнь. Она отбирает, повторяя несчетное количество раз, только то, что ей хочется сохранить в памяти, а остальное отмечает. Так что она нигде не записала факта этой смерти. Она решила не превращать его в воспоминание.

Люси не могла прийти в себя.

– Но... Как она могла предпочесть игнорировать такое событие? Ведь это ее мать!

– Я думаю, вы не до конца отдаете себе отчет... Представьте только, что среди ночи к вам в дверь стучат жандармы и сообщают, что ваша мать умерла. Представьте по-настоящему, будто на самом деле, прошу вас... темнота, стук в дверь, жандармы... А потом вас оставляют наедине с этой болью плакать сутки напролет. Потом вам стирают память, вы уже не знаете, в чем причина вашей подавленности. Она вас не покидает, голову сжимает железный обруч, глаза щиплет – но вы ничего не понимаете! Едва вы приходите в себя, вам снова сообщают эту ужасную новость. Те же жандармы, которые недавно стучали в вашу дверь. И так каждую ночь, по многу десятков раз, до тех пор, пока это горе не закрепится наконец в болезненное воспоминание. Манон отказалась от этого невыносимого напряжения. Она предпочла сохранить счастливые воспоминания и не омрачать их этой смертью. Потому что воспоминания, предшествующие несчастному случаю, – это все, что у нее осталось. Аромат духов,

ласки, смех... Это единственное, что связывает ее с жизнью, они дарят ей прошлое, дают ощущение, что она жива. Поэтому ее сознание любой ценой стремится сохранить их нетронутыми. Понимаете?

Люси кивнула.

– Прекрасно, – продолжал Ванденбюш. – Я и ее брат, мы... уважаем выбор Манон: не знать. Мы приняли решение не мешать ей верить, что Мари Муане жива. Никто не может войти в систему «N-Tech». Она защищена паролем, который Манон постоянно меняет. Так что для нас совершенно невозможно внести туда ложную информацию о «существовании» ее матери... Но... мы регулярно говорим Манон, что она забыла записать о визите Мари, что она днем звонила ей и тому подобное. Тогда Манон самостоятельно вносит эти данные в свой органайзер. Если я скажу, что вчера она звонила матери, она поверит. Я... действую таким образом по обоюдному договору с ней самой, чтобы ненароком не причинить ей ненужных страданий.

Люси переполняло чувство протеста.

– Сумасшедший дом какой-то! Кто угодно может сфальсифицировать прошлое Манон... Что за ужас...

– Я с вами согласен, эти пациенты легко уязвимы. Знаете, человечество и, даже более того, животный мир выжили потому, что мозгу проще регистрировать негативную информацию, чем позитивную. Это научно доказано. С незапамятных времен именно негативные эмоции помогали ускольз-

нута от хищника или, например, постоянно искать пропитание, даже при отсутствии чувства голода. Вспомните медведей, которые перед тем, как впасть в зимнюю спячку, несколько месяцев питаются впрок. Они предчувствуют опасности зимы. Но у страдающих антероградной амнезией больше нет этого инстинкта самосохранения. Они знают о своей уязвимости, но ничего не могут сделать. И это ввергает некоторых из них в тяжелейшее депрессивное состояние, которое может даже закончиться самоубийством. Это статистически доказано, а психиатрические клиники ежедневно регистрируют все новых больных, пораженных амнезией. И не знают, что с ними делать. Вот почему – вы это заметите – Манон очень бдительна. Она замкнулась, чтобы защитить себя. Она доверяет только самой себе и записям в своем органайзере.

– А брату?

– И ему, разумеется. Они очень близки. Фредерик с огромным вниманием заботится о ней. Но Манон психически очень неустойчива: у нее очень быстро меняется настроение. Сегодня она доверяет вам, а завтра – нет. Вы увидите, она может быть буйной, а через минуту – само очарование. Вот так-то...

Они подошли к лифтам.

– Несколько минут назад я рассказывал вам о краткосрочной памяти... Вы помните те семь слов, которые я назвал?

– Ммм... Дом, коляска... Больше не помню...

– Больше не помните... Так вот у Манон то же самое с лицами... Она больше не помнит...

В тот самый момент, когда Люси уже собиралась войти в палату, ее окликнул симпатичный высокий загорелый молодой человек, очень похожий на Манон. «Немного чересчур безукоризненный у него вид для столь позднего часа», – отметила про себя Люси.

– Вы куда? – сухо спросил он.

Люси почувствовала некоторое смущение оттого, что предстала перед ним, вырядившись так, будто собралась в лес за грибами.

– Фредерик, вы разговариваете с лейтенантом полиции, – предостерег его Ванденбюш.

– Извините, я не знал...

– Ничего страшного, – ответила Люси, – у меня действительно со вчерашнего вечера не было времени привести себя в порядок. Я должна допросить вашу сестру. Доктор Флавиан предупредил вас?

– В общих чертах, да. До сих пор не могу поверить.

– Однако это правда. Мы только что обнаружили место ее заточения.

Фредерик Муане нахмурился:

– Где именно? Где ее держали?

– Недалеко от Рема, в охотничьем домике. Господин Ванденбюш сообщил мне, что вы очень близки с сестрой. Когда

вы в последний раз видели ее?

Он ответил сразу, не задумываясь:

– Не далее как сегодня утром. Она собиралась на пробежку в девять тридцать. А точнее, в девять десять. Я уходил на работу.

– Невероятная точность...

– Это необходимо, если живешь рядом с кем-то вроде моей сестры. Она постоянно находится под страхом уходящего времени.

– А что было дальше?

– Я уехал на работу и больше ее не видел. Я еще был в офисе, когда мне позвонил доктор Ванденбюш.

– Около часу ночи?

– А разве вы в это время не работаете? Я уже больше недели ложусь безумно поздно. Я директор фирмы «Эстерия». Это лильское предприятие, которое производит информационные системы отслеживания багажа по электронным этикеткам. Сейчас мы готовимся к участию в важном тендере, объявленном компанией «Air France». Есть шанс получить многомиллионный контракт.

Правильный, молодой, умный. Идеальный экземпляр для сайта знакомств. Однако Люси не отреагировала.

– В последние дни вы не замечали ничего странного? Чего-то непривычного в жизни вашей сестры?

– Пожалуй, нет.

Он на мгновение задумался.

– Разве что вчера вечером. После звонка доктора Ванденбюша я заехал домой, чтобы взять для нее смену одежды. Дверь была не заперта, а возле компьютера я обнаружил «N-Tech», ее органайзер. А ведь она никогда с ним не расстаётся и всегда перед пробежкой запирает дверь на ключ.

– Может, она просто забыла? Мне кажется, для человека, страдающего амнезией, это нормально. В конце концов, всем случается забыть свой мобильник или запереть дверь.

Фредерик отреагировал мгновенно:

– А вам случилось забыть одеться перед выходом из дому?

– Э-э-э... В общем-то, нет. К счастью...

– Манон была приучена к тому, чтобы никогда не забывать своего гаджета. Эти движения были повторены сотни раз, чтобы укорениться в ее глубинной памяти. Привычка, ставшая рефлексом, как и привычка одеваться.

– Приучение позволяет научить страдающих амнезией пользоваться аппаратом «N-Tech», – вступил в разговор подошедший к ним Ванденбюш. – Они не в состоянии вспомнить, но могут выучить и делать успехи, потому что вызванная, процедурная память – это совсем другое.

Люси опять поняла, что не справляется с информацией. Эти разговоры о памяти не давали ей сосредоточиться. Она с сомнением спросила:

– Получается, раз у нее не было с собой органайзера, я должна сделать вывод, что ее похитили прямо из дома, среди бела дня?

– Мы с доктором именно так и подумали. Мы с сестрой живем не в многоэтажном доме, а в принадлежащем мне особняке в испано-фламандском стиле, поделенном на четыре квартиры. Кроме нас, других жильцов там нет. Дом расположен в тупике Вашэ, в Старом Лилле. Узкий проход между очень высокими кирпичными стенами, место достаточно безлюдное, даже днем. В двух квартирах уже несколько месяцев идет ремонт, но сейчас строители в отпуске.

Люси бросила взгляд на часы. Уже 2:45. Всего час пятнадцать до окончания срока ультиматума. И по-прежнему ничего...

– Мы еще с вами все это обсудим. И надрезы тоже.

Фредерик сердито посмотрел на Ванденбюша, а потом бросил:

– Значит, вы тоже в курсе!

– Да. Но теперь мне уже совершенно необходимо срочно переговорить с вашей сестрой.

Фредерик отвел ее подальше от двери в палату:

– Бесполезно ее спрашивать. Вы только разбередите рану. Она ничего не вспомнит.

– Я знаю, доктор Ванденбюш мне объяснил. Но похититель оставил в хижине какую-то загадку. Что-то совершенно непонятное. И я думаю, ваша сестра сможет помочь нам разобраться.

Фредерик рывком сдернул с шеи черный шелковый галстук.

– Какую загадку?

– Послушайте, сейчас ведется следствие. И у меня нет времени!

– Однако речь идет о моей сестре!

– В оставленном сообщении говорится про какой-то ключ, и им может быть сама Манон. Мне бы хотелось поговорить с ней об этом, если позволите.

– Я могу отказать?

– Пожалуй, нет.

Он помрачнел:

– В таком случае я должен присутствовать. Но будьте осторожны в выражениях.

– Разумеется, вы в полном праве беспокоиться о своей сестре, о том, что с ней стряслось, но тем не менее смените, пожалуйста, тон. Я не ваша подчиненная! И в полиции работаю я, а не вы.

Оставив его в коридоре, Люси направилась в палату. Он поспешно догнал ее. За ними последовал Ванденбюш. Едва войдя в палату, Люси встретила взглядом с лежащей в постели женщиной. В ее глазах она заметила любопытство, но в них ничего не мелькнуло, как бывает, когда люди узнают друг друга. Можно было с уверенностью сказать, что знаток математики с поразительными способностями, но с перегоревшими электрическими цепями в мозгу видит Люси впервые.

Лейтенант полиции Энебель была в замешательстве. Она

заметила повязку на руке Манон. Что сказал ей брат? Что она поранилась? Или что ей было плохо? Что он мог придумать относительно следов на ее лодыжках и запястьях? Так ли необходимо было снова ввергать ее в ужас тех страшных часов?

– Эта дама из полиции, – проговорил Фредерик, заметив растерянность Люси. – Это я привел ее сюда. Она хотела бы кое о чем спросить тебя.

Он повернулся к Люси:

– Давайте. Но побыстрее. И говорите кратко и точно. Иначе сестра потеряет нить.

В знак благодарности Люси едва заметно кивнула. Манон отложила органайзер на ночной столик и с интересом посмотрела на нее:

– Кое о чем спросить? Меня?

– Полиция часто шатается по больницам, – ответила Люси, стараясь улыбнуться. – Вообще-то, я работаю над одним делом, которое, как мне кажется, имеет отношение к математике. А если верить словам вашего брата, вы в этом здорово разбираетесь.

Лицо Манон осветилось сиянием, как на рекламном плакате. Как она может быть столь безразлична к только что перенесенному испытанию? Люси стала иначе воспринимать Манон – как женщину, которая ежеминутно возрождается. Как мимолетное дуновение.

– Пожалуй, да... – ответила Манон. Она указала на по-

крытые грязью ботинки Люси: – Участковый полицейский?

– Можно и так сказать.

– Что это за дело?

Люси взглянула на Фредерика и Ванденбюша и сказала:

– Правонарушение. Молодежь, скорее всего.

– Дело, касающееся молодых правонарушителей и, возможно, связанное с математикой? Любопытно узнать подробнее. Я вас слушаю.

– Это произошло в Реме, недалеко от Валансьена.

– Я знаю, где Рем, спасибо. У меня амнезия, но я не невежда.

Люси на мгновение опешила. Так спокойно говорить о своем недуге...

– Отлично. В одном охотничьем приюте мы обнаружили послание, написанное на стене. Оно гласило, слушайте внимательно: «Принеси ключ. Возвращайся позлить Других. И отыщи среди спичек то, что мы собой являем. До 4:00».

Манон и Фредерик одновременно напряглись.

– Кто это написал? – спросила Манон, резко поднявшись в постели.

Теперь она заговорила быстро:

– Кто? Скажите мне: кто? Скажите!

– Не знаю, – ответила Люси. – По-вашему, что это значит?

– Вся эта суeta имеет прямое отношение ко мне! Вы не случайно, как утверждаете, оказались здесь!

– Ну, вам видней.

Манон держалась настороже. Брат подошел к ней и нежно взял за руку:

– Ты не обязана отвечать.

Бросив на него подозрительный взгляд, Манон вырвала руку:

– Почему? Я могу ответить! Тут нет ничего необычного! Совершенно ничего! – Она повернулась к Люси. – Я не понимаю вашей загадки и не вижу никакой связи с математикой. Но...

– Но что?

– Но это «Возвращайся позлить Других» меня заинтриговало. Правда, Фредерик? Ты ведь тоже помнишь?

Он кивнул и уточнил:

– Речь идет о выражении, которым мы с друзьями и кузенами пользовались между собой, когда были подростками. «Возвращайся позлить Других». Другими мы называли... привидения.

– Привидения?

– Да, привидения, – подхватила Манон. – Привидения, населявшие дом в Эме. Это была старая постройка, где таинственным образом якобы появлялись мертвецы. Время от времени мы с наступлением темноты забирались туда. Для адреналина. Эм, дом в Эме...

Она замолчала. Фредерик метался по палате, как лев в клетке. Его властный взгляд свидетельствовал о том, что он имеет опыт и привычку руководить людьми. Люси попыта-

лась абстрагироваться от его присутствия, чтобы сосредоточить все свое внимание на Манон. Та сказала:

– Это ведь наше выражение! Откуда кто-то мог узнать его? Это невозможно! Прошло столько времени!

Она рассчитывала на поддержку Фредерика, но, не получив ее, продолжала:

– Но я не понимаю смысла вашего послания. Даже если хорошенько подумать, мне ничего не приходит в голову. Мне очень жаль. Искренне жаль, мадам.

Манон схватила «N-Tech» и пишущую палочку и принялась проверять события последних часов, торопливо щелкая по сенсорному экрану. Неотмеченные встречи. Посещение банка в 11 утра: пропущено. Визит с Миртой к ветеринару в 15 часов: пропущен. Что все это значит?

– Манон.

Она подняла глаза на Люси.

– Это еще не все, – настойчиво сказала та.

– Что значит «не все»? И... почему я заговорила про дом в Эме? Что вам, вообще, от меня нужно?

Между ними, слегка оттеснив Люси назад, встал Фредерик и прошептал ей:

– Не отвечайте...

Он обратился к Манон:

– Эта дама из полиции...

А затем вкратце еще раз обрисовал ей ситуацию. Он подыскивал точные слова, что-то выпускал, зорко следя за

реакциями сестры. Наконец несколько озадаченная Люси смогла продолжить свой допрос:

– В той хижине в Реме на полу было разбросано огромное количество спичек. Много тысяч. Мои коллеги...

– Огромное количество спичек? – перебила ее Манон. – Как они были расположены? Опишите мне!

– Раскиданы почти повсюду, в совершенно произвольном порядке.

Манон несколько раз подряд щелкнула пальцами. Фредерик не шевелился.

– В произвольном порядке! Разумеется! А пол там паркетный?

– Точно.

– Паркетные доски. Их ширина равна длине одной спички? Ведь так?

Казалось, появился след. Ключ подошел к замку.

– Э-э-э... Думаю, да. Но... Какой смысл в подобной мизансцене? Какая связь между этими спичками и домом с привидениями в Эме?

Молодая женщина вдруг принялась рассматривать повязку на своей руке. Неожиданно она покрылась испариной. Фредерик не успел вмешаться: Манон яростно сорвала повязку.

Ее сердце сильно забилося. На ладони эта жуткая фраза: «Пр вернулся».

Она вся сжалась, точно загнанный зверь, и закричала:

– Он вернулся! Этот подлец вернулся, чтобы снова преследовать нас! И решил сорвать зло на мне! Скажите, я права? Только не лгите!

– Никто тебе не лжет, – солгал ее брат. – Мы скоро вернемся домой, и все будет хорошо.

Манон уже не слушала. В страхе она закричала еще громче:

– Отвезите меня туда! Отвезите меня в Эм, в дом с привидениями! Немедленно!

Люси спокойно возразила:

– Прежде объясните мне, что означают эти спички.

Внезапно Манон приподнялась на кровати, и ее лицо вплотную приблизилось к Люси. В ее голубых глазах полыхало черное пламя ярости.

– Он вернулся! Я не упущу возможности поймать его! Отвезите меня туда, иначе вы ничего не узнаете!

В кабине старенького «форда» Манон возилась со своим «N-Tech». От электронного прибора исходило слабое белое свечение.

– Мне нужно все это записать, – неустанно твердила она. – Продолжайте, продолжайте рассказывать. Все, что знаете. Абсолютно все.

С безлюдных бульваров автомобиль на полной скорости свернул на перемычку северо-западной окружной дороги. Маркет, Бондю, Вамбреши... За окном один за другим мелькали выезды, а в металлической коробке, на которую обрушивались тонны воды, звучал голос женщины-полицейского. В который раз она рассказывала о самом страшном, стараясь при этом говорить спокойно. Похищение Манон, ее блуждание по улицам Лилля, охотничья хижина и замысловатое послание. Манон не пропускала ни малейшей детали этого словесного ада, фиксируя основные события и записывая слова Люси при помощи крошечного микрофона, встроенного в органайзер.

– Профессор... Как ему удалось меня удержать? Зачем? Откуда он мог знать про «Других»? Это было наше выражение! И... Нет! Это невозможно!

Манон не удавалось успокоиться. Самые отчаянные попытки сосредоточиться ни к чему не приводили: вопросы

вертелись у нее в голове. Без ответов.

– А вдруг вы говорили об этом, пока он держал вас взаперти? – предположила Люси, глядя на часы. – И вас вынул тем или иным способом? Как знать?

– Держал меня взаперти... Боже мой, я была в его власти... Нет-нет! Я бы никогда не стала рассказывать о своем детстве! Никогда!

– Как вы можете быть так уверены, если ничего не помните?

– Есть вещи, которые помнишь о себе. Даже если страдаешь амнезией! Я не забыла, кто я. Я знаю, кто я! Вы можете это понять?

Люси заговорила самым примирительным тоном:

– Конечно-конечно. Не нервничайте, это никому не нужно. Поговорим о надрезах на вашем животе... Мне бы хотелось, чтобы вы объяснили, что они означают. Доктор Ванденбюш сказал мне, что вы их сделали с братом.

Манон мгновенно ответила:

– Понятия не имею.

– Как это – понятия не имеете?

– Говорю же, понятия не имею! Я не понимаю смысла этих шрамов! Я знаю, что они там, на мне, но не понимаю, что они означают! Когда они были сделаны? Для чего? Мне это совершенно неизвестно! – Она схватила Люси за руку. – Как Профессору удалось похитить меня? Как я выбралась?

– Манон, я...

– Его необходимо найти! Скажите, что вы скоро найдете его! Скажите же!

– Мы все для этого сделаем. – Люси посмотрела ей прямо в глаза и добавила: – Вы можете мне верить. Но если вы хотите, чтобы я помогла вам, придется мне доверять...

Чувствуя комок в горле, она свернула на Рубе-Эст. 3:35. Оставалось меньше получаса...

– Поговорим о спичках. Вы так и не сказали мне, что они означают. Я должна знать.

– О каких спичках?

Манон взглянула на женщину за рулем. Ее пальцы незаметно нащупали ручку дверцы.

– Где ваше удостоверение? Вы не показали мне своего удостоверения! Ваше полицейское удостоверение!

Люси вздохнула:

– Показала. Перед тем, как сесть за руль. И потом еще два раза за время поездки. Возьмите его, оно у меня в кармане куртки. Мне не пришло в голову оставить его на виду. Я пока не привыкла, простите... Но умоляю, раз и навсегда, отпустите ручку двери. В конце концов вы вырвете ее и доконаете мою бедную машину.

Манон с облегчением завладела трехцветным документом.

– Простите меня. Я часто повторяю одно и то же.

– Это вы мне тоже уже объясняли. Но не извиняйтесь. Я прекрасно понимаю, хотя это... трудно. Скажите, вы всегда

так быстро говорите?

– Да, это способ сделать разговор более информативным. Из моей головы все так быстро улетучивается... Куда мы едем?

– В Эм, в дом с привидениями. Уже обсуждали...

Люси на мгновение задумалась и повторила:

– А вот надрезы на вашем теле, что они значат?

– Не знаю.

– Ладно. Попробую попозже.

Не слушая ее, Манон снова погрузилась в лабиринты своего «N-Tech». Но вдруг опять обратилась к спутнице:

– Можно мне вас сфотографировать? Тогда я не буду постоянно требовать показать мне ваше удостоверение.

Люси кивнула. Манон включила лампочку под потолком, нажала функцию «фото» на органайзере, а затем принялась что-то писать на экране.

– Что вы записываете? – поинтересовалась Люси, на несколько секунд оторвав взгляд от дороги.

– Ваше имя, профессию, причину нашего знакомства. И основные черты вашего характера. И еще впечатление, которое у меня сложилось на данный момент.

– Мне любопытно было бы узнать, что вы обо мне думаете.

– Не то, что я думаю. Что я ощущаю, здесь и сейчас. Надежность – в вашем властном взгляде. Увлеченность своим делом, потому что вы здесь со мной среди ночи. Суровость –

она тоже читается в ваших глазах. Волнение, о котором свидетельствует ваш голос, руки и манера говорить... Я заметила ваше умение слушать, а также какую-то боль. Пожалуй, даже много боли. Или я ошибаюсь?

– Не слишком. Когда я была подростком, мне пришлось многое пережить из-за...

Она умолкла, но все же закончила фразу:

– Из-за хирургической операции, которая... которая на меня сильно повлияла.

– Какого рода?

– Я предпочитаю не говорить об этом.

– Знаете, мне можно. Я умею хранить тайны и... забывать то, что мне рассказывают. Если вы понимаете, о чем я.

Манон совсем не знала женщину, с которой разговаривала, но чувствовала себя непринужденно и спокойно. Необъяснимое ощущение. Заметив, что Люси не готова к откровенности, она спросила:

– И эта операция означала конец вашей молодости, изменила ваше поведение? Как мои проблемы с памятью?

На сей раз Люси не отрываясь смотрела на дорогу.

– После этого моя жизнь уже никогда не вернулась в прежнее русло. И... я совершаю поступки, за которые ненавижу себя... порой непонятные окружающим. Но... Простите. Больше я ничего не могу вам сказать.

– Меня люди тоже не понимают. Это нас с вами хотя бы как-то сближает.

Манон откинулась на подголовник и глубоко вздохнула:

– Вас преследует прошлое, а меня – будущее. Я не могу строить планы, не могу уехать в отпуск, потому что даже не буду знать, где нахожусь. Это совершенно бессмысленно, ведь у меня все равно не останется никаких воспоминаний. Никаких. Никогда.

Люси почувствовала, что вынуждена признать правоту Манон. Если нет воспоминаний, то фотографии – это всего лишь глянцевая бумага из пошлых каталогов.

Манон сосредоточилась на белых полосах, бегущих вдоль дороги. Все они исчезали во тьме, точно так же, как ее ускользающее существование. Она не знала ни куда едет, ни зачем. Наверняка женщина за рулем уже два, три, десять раз говорила ей... Совершенно очевидно, ее объяснения записаны в «N-Tech»... Но Манон не испытывала желания рыться в нем: не сейчас, потому что сейчас ей было спокойно.

– Во всяком случае, у вас прелестные близнецы.

Люси вытаращила глаза:

– Откуда вы знаете?

Манон указала пальцем:

– Так вот же, фотография у вас на брелоке. Как их зовут?

Люси удивилась. Если Манон постоянно все забывает, зачем ей знать их имена? С какой стати?

– Слева Клара, справа Жюльетта.

– И Жюльетта командует?

– Ну, знаете, вы меня огорошили!

– Они сидят рядышком, но, если присмотреться, Жюльетта выставила вперед руку, словно отгораживаясь. Как будто для того, чтобы оттолкнуть сестру назад, показать, что пространство принадлежит ей одной.

Люси немного напряглась. Ей вспомнилось, что Ванденбюш рассказывал о своей пациентке. Как о невероятно собранном, организованном и умном человеке, несмотря на ее амнезию.

– Вы на редкость наблюдательны...

– Это никак не связано с моей болезнью, просто профессиональная деформация. У меня большой научный опыт, а все науки, в частности физика, основаны на наблюдении.

– Знаете, науки и я... Это как предложить жителю Дюнкерка безалкогольного пива.

– Когда вы улыбаетесь, у вас прекрасные глаза. Я всегда надеялась, что сумею запоминать приятные для себя образы, что благодаря силе воли смогу побороть эту крошечную, всего несколько миллиметров, дисфункцию в моем мозгу. Я думаю, что после моего... моей... – Манон бессознательно коснулась рукой горла. – После того, что со мной случилось, мне пришлось столько всего запоминать. Звуки, голоса, интонации после бесконечных усилий иногда возвращаются, но образы – никогда. Черная дыра. Вы понимаете?

– Конечно. А что, например, у вас останется от сегодняшнего вечера? От того, что мы с вами сейчас переживаем?

– Увы, но о вас у меня не сохранится никакого воспомина-

ния. Если мы расстанемся хоть на несколько минут, а потом снова встретимся, у меня будет ощущение, будто я вижу вас впервые. Я уже не помню, как у нас начался этот разговор. О чем мы говорили? Зачем? И куда мы едем? Скоро я забуду, что у вас есть близнецы и чем вы занимаетесь. По крайней мере, до тех пор, пока не справлюсь в органайзере... Фиксировать. Мне необходимо все фиксировать и выучивать. Это единственный способ. Единственный.

– А после того, как вы туда заглянете?

– Тогда я буду знать. Но это не вызовет у меня никаких ощущений, никаких эмоций, ничего. Примерно как если бы я вдруг узнала, что Берлин – столица Германии. Процессуальная память, только и всего. «Механический мозг». Мне жаль. По-честному, очень жаль.

Люси с нежностью посмотрела на нее:

– Не огорчайтесь. Я-то буду помнить... А это самое главное...

Манон прикрыла глаза, вздохнула и снова взглянула на Люси:

– Иногда меня разбирает злость на моего брата Фредерика, или же я начинаю хохотать и вынуждена спрашивать у него: «Но... почему я на тебя разозлилась? Отчего я так счастлива? Почему я плачу? Объясни, Фредерик, объясни мне!» Я знаю, что иногда он возит меня в Кан повидать маму, но я не помню наших встреч, я не понимаю, состарилась ли она, как изменились ее черты и рада ли она мне... Кро-

ме того, я не знаю, какое произвожу впечатление. Растерянной? Сбитой с толку? Несчастной? Как можно будет в общих чертах описать мою жизнь, когда я умру? Что я оставлю в наследство...

Явно взволнованная, Манон умолкла.

– Мне бы так хотелось родить, я обожаю детей больше всего на свете. Но разве можно быть матерью, если, придя за ребенком в школу, ты не узнаешь его среди других детей? Не вспомнишь ни цвета его глаз, ни его голоса?

Люси слушала ее, тронутая подобной искренностью. Манон указала на органайзер:

– Невозможно зафиксировать в «N-Tech» свои чувства: ни радость, ни слезы, ни пережитые эмоции. Одну только процессуальную информацию. Холодные, безликие слова, лишённые всякого смысла. Амнезия – это приговор: жить в одиночестве и... умереть в одиночестве. От сегодняшнего вечера я сохраняю лишь то, что зафиксировано и записано здесь. Главные факты я выучу наизусть, так что даже смогу составить из них что-то наподобие слепого воспоминания, лишённого образа. Как если бы я зазубрила номера телефонов или номерные знаки автомобилей.

– Или что Берлин – столица Германии...

Манон кивнула:

– Все связано с воспоминаниями. Именно они заставляют нас плакать во время похорон, и благодаря им наше сердце бьется сильнее, когда мы входим в детскую...

Она посмотрела на Люси, ее голубые глаза застилали слезы.

– Девушка...

– Не девушка... Люси. Меня зовут Люси Энебель...

– Люси, вы осознаете, что я вынуждена производить отбор того, что хочу запомнить? События, ежедневные факты. Вы об этом даже не задумываетесь, ведь от вас это не требует никаких усилий! Выучить, какой сейчас год, что ураган убил сотни тысяч людей, что на Ближнем Востоке идет война или что теперь существуют устройства для записи видеодисков. Повторять, непрестанно повторять, чтобы не забыть, чтобы не выглядеть идиоткой или невеждой. Мне пришлось даже выучить причину, по которой я потеряла память! Выучить, что со мной случилось! Если я не записываю, не повторяю каждую мелочь по сотне раз, все исчезает... – Несмотря на горечь своих слов, Манон сумела изобразить улыбку и спросила: – Я ведь вам это уже говорила?

– Нет-нет, успокойтесь, впервые слышу.

– Но уж точно не в последний раз. Если вы заметите, что я повторяюсь, как заезженная пластинка, тотчас останавливайте меня. Для меня нет ничего хуже, чем... Ну, вы же понимаете?

– Да, понимаю и сразу вам скажу. Вы можете мне доверять. Обычно я говорю, что думаю.

– Скажите, вы можете мне дать ваш адрес и номер телефона? Разумеется, если их у меня еще нет...

Люси протянула ей визитную карточку, которую Манон аккуратно убрала в футляр органайзера. Они молчали, погруженные в свои мысли, пока не прибыли на место. Эм. Автомобиль углубился в улицу без жилых домов, лишенную всякого освещения. В конце виднелась темная неподвижная масса. Дом с привидениями. Кирпичное чудище с изломанными очертаниями.

3:45.

Мотор выключен. Фонарь в руке. Люси пожалела, что не прихватила свой «зиг-зауэр». Подумать только, ведь поначалу речь шла лишь о том, чтобы составить протокол в пятидесяти метрах от ее собственного дома! Редкостное умение влипнуть! Драки не на жизнь, а на смерть, рискованные операции вечно выпадали на ее долю!

Она понимала, что должна вызвать для подкрепления патруль. Правило номер один: всегда работать с напарником. Но она решила поехать сюда одна. Не оставалось времени.

– Вы готовы снова пойти на грозу? – спросила Люси, проверяя, хорошо ли работает лампочка в ее фонаре.

– Разве мы это уже делали вместе? – удивилась Манон, оторвавшись от органайзера.

– Вместе нет, скорей порознь. Знаете, как туда войти?

Манон указала пальцем:

– В юности мы обходили дом, потом сзади залезали на навес дворика. Тогда двери и окна первого этажа были заколочены. Думаю, и сейчас тоже.

Люси заметила блеск в глазах молодой женщины.

– Забавно снова вернуться сюда, – призналась Манон. – Столько воспоминаний... Вам должно показаться странным, что я помню детали своей юности и не знаю, что делала три минуты назад, да?

– По правде говоря, нет. Доктор Ванденбюш попытался мне объяснить... разные типы памяти... Мне кажется, я примерно поняла.

Люси взялась за дверную ручку:

– О'кей! Посидите пару минут в машине, я сначала проверю.

– Для меня это слишком долго! Я пойду с вами.

– Какая же вы упрямая!.. Ладно, тогда возьмите мою накидку! И все время оставайтесь у меня за спиной! Если с вами что-то случится, я могу потерять работу.

Манон убрала органайзер в герметичный футляр, который засунула во внутренний карман куртки, и только после этого надела накидку. Люси до самого верха застегнула молнию на куртке.

– А теперь вперед!

– Подождите, вы не взяли ни резиновые перчатки, ни маски, ни шапочки! А вдруг мы сейчас окажемся на месте преступления? Мы не должны оставлять там волосы, ворсинки, отпечатки пальцев!

– Из вас бы вышел отличный полицейский. Похоже, вы разбираетесь в нашем деле.

– После смерти сестры я всерьез занималась этим вопросом.

– Не беспокойтесь. Здесь нам не понадобятся ни перчатки, ни стерильные халаты. То есть я надеюсь! Пошли! Вперед!

Стоило им закрыть дверцы машины, на них обрушились ветер и дождь. Они шли пригнувшись, пока не достигли изъеденной лишайником задней стены участка. Обе с трудом перелезли через нее и оказались в саду, представляющем собой вместилище смрадной грязи. Люси подняла голову и взглянула на дом. Сквозь потоки воды луч ее фонаря осветил ели, крыльцо, высоченные стены.

Пока они шли в сторону двора, ни одна из них не заметила неподвижную тень, которая следила за ними через разбитое окно верхнего этажа.

Силуэт бесшумно отступил вглубь дома.

3:50.

Молодые женщины пробежали вдоль фасада. Теперь они дышали в такт, словно представляли собой единый организм. Одна принялась толкать, другая тянуть, помогая друг другу взобраться на стену. Скривившись от боли – чертова голень, – Люси вооружилась толстой веткой, которая валялась на крыше, и, соблюдая все предосторожности, первая проникла внутрь дома. А ведь всего несколько часов назад она преспокойно лежала на диване в своей квартире, рядом с дочками...

Оказавшись в помещении, она перевела дух. С куртки

струями стекала вода, в горле першило. Люси оглянулась на Манон.

– Все в порядке? – прошептала она, потирая больную ногу.

– Нет, не все! Вы кто? Зачем мы здесь? – испуганно ответила Манон и отбежала в угол, чтобы включить органайзер.

Функция «Последние записанные события». Похищение... Отделение неотложной помощи... Люси Энебель... Загадка...

В растерянности она принялась твердить:

– Профессор... Профессор... Нет, это невозможно...

Подбежала Люси, держа перед собой полицейское удостоверение:

– Манон, послушайте. Не пытайтесь понять ни что мы здесь делаем, ни что с вами произошло. Я уже много раз вам это все рассказывала. Просто доверьтесь мне, хорошо?

– Я... Я вам не доверяю, мадемуазель Энебель. Хотя вы и сотрудник полиции, я вас не знаю.

Она резко выпрямилась, выхватила из рук Люси фонарь и принялась осматривать комнату.

– Что вы делаете? – спросила лейтенант Энебель.

– Понятия не имею. У меня в органайзере записано, что нас сюда привел Профессор. Что там, где он меня держал, есть какое-то послание. Так что непременно надо найти где-нибудь другое послание, какие-то знаки, чтобы выйти на след!

Манон глянула на запястье, заметила, что часов нет, и вернулась к своему прибору.

– 3:58. В послании ведь говорилось про четыре часа? Я не ошиблась? Я ничего не упустила? Скажите!

– Нет. Время ультиматума почти подошло, а жертвы, похоже, так и нет...

Не понимая, куда и зачем она идет, Манон пересекла комнату и вышла в коридор. Люси бросилась за ней. И вдруг они услышали, как позади них скрипнули половицы.

Люси даже не успела обернуться. Сильная рука схватила ее за горло и оторвала от пола.

– Что, дрянь, хочешь поиграть?

Ее с силой отбросило к стене, она ударилась лбом о бетон и бессильно сползла вниз.

Вскрикнув, Манон выронила фонарь, он покатился с глухим шумом. Она попятилась, чувствуя, что тело отказывается повиноваться ей.

– Кто вы?

– Хочешь познакомиться?

С невероятной быстротой человек бросился на нее и, к огромному удивлению, получил удар ногой в грудь. Он взвыл от боли, но второй удар уже сломал ему правое колено. Однако ему удалось схватить Манон за волосы. «N-Tech» выскользнул у нее из рук и упал на пол. Девушка закричала и снова ударила... Сама не зная почему, она метила в солнечное сплетение, но на этот раз нападавший не дал застать

себя врасплох. Он отбросил ее с титанической силой, и она рухнула на пол.

– А ты даже хорошенькая. Ну просто ангельская мордашка. Думаю, будешь первая.

Он перевернул Манон лицом вниз. Она вдохнула мерзкую пыль и страшно закашлялась от недостатка воздуха. Противник изо всей силы давил ей коленом в спину, прижимая к полу.

Звякнула пряжка ремня. Послышался звук расстегиваемой ширинки. Какое-то животное пыхтение прямо ей в затылок. Что происходит? Где она? Одна? А почему? Неужели она сейчас умрет?

Но больше он ничего сделать не успел. Дубиной ему разmozжило голову. Пошатываясь и закрывая руками лицо, он поднялся, и в этот момент мощнейший удар в пах заставил его согнуться пополам.

Он бросился к лестнице, потерял равновесие, не удержался на ногах, покатился по ступеням и в конце концов замертво рухнул на кафельный пол.

Люси потеряла лоб, на кончиках пальцев осталась тонкая пленка крови. Потом она склонилась над Манон, которая на четвереньках отползла в дальний угол и прижалась к стене.

– Оставьте меня! Оставьте меня!

– Манон! Я Люси! Люси Энебель! – Она торопливо вытащила трехцветное удостоверение. – Вспомните же!

Манон никогда не видела этого документа. В какую

неприятность она впуталась? Почему на нее напали? Как она научилась драться? Где? Она снова попятилась и совсем вжалась в угол.

– Что... Что я здесь делаю? Кто этот человек? А вы? Какая полиция?

Она на четвереньках добралась до органайзера.

– Вы все зафиксировали в своем аппарате, – сказала Люси. – Клиника, наш разго...

– Какая клиника? – Манон перешла на крик: – Какая клиника?

– Я... Я ничего не могу поделать, я... я понятия не имею, как с вами разговаривать... Это слишком... сложно...

Люси сунула полицейское удостоверение в верхний карман куртки так, чтобы его постоянно было видно, подняла фонарь и сказала:

– Я схожу посмотреть... жив ли он еще. Вы тоже спускайтесь, как только сможете.

– Как? Кто еще жив? Объясните! Объясните же!

Манон орала во все горло. Люси не ответила и с фонарем в руке отважилась выйти на лестничную площадку. Спустившись вниз, она приложила указательный палец к вене на шее нападавшего, ощутила ровный пульс и принялась обследовать его карманы.

Она укололась чем-то острым и, скривившись, отдернула руку. Ее пальцы были в крови. Битое стекло и иглы.

– Черт! Не может быть!

Шприцы... Наркоман... Всего лишь самовольно поселившийся здесь нарик...

Она выпрямилась, держа большой палец кверху. Повинуясь бесполезному рефлексу, принялась старательно высасывать капельки крови и сплевывать их на пол.

В ее мозгу вспыхнули четыре буквы: СПИД.

– Не может быть! Не может быть!

И тут очередной удар едва не сбил ее с ног.

Она ошарашенно вертелась во все стороны.

Над ней. И по всей стене этой круглой комнаты. В луче ее фонаря. Цифры. Тысячи цифр.

Красная краска.

На кафельном полу одна фраза: «Если ты любишь воздух, бойся моего гнева». Люси стиснула зубы. Долго еще этот гад будет продолжать свою игру?

Главное – не паниковать. Она достала мобильник. Зарядка почти кончилась. Она позвонила в «скорую» и бросилась наверх.

Поднимаясь по лестнице, Люси слышала свой собственный голос, доносящийся из прибора. Манон сидела, поджав ноги, и держала в руках свою протезную память.

Вдохновительница технологии «N-Tech» подняла голову. Она выглядела обеспокоенной, в ней боролись печаль, ужас и решимость. Открыв папку «Фотографии», она пролиставла портреты: родные, друзья, знакомые, все неизвестные ее памяти лица, – и обнаружила лицо стоящей перед ней жен-

щины. Офицер полиции с пшеничными кудряшками. Люси Энебель... Три слова... «Надежность. Увлеченность. Суровость». Может быть, это именно тот полицейский, которого она ждет, чтобы вступить в схватку со Злом? Может быть, наконец она дождалась?

– Вы мне нужны, – сказала лейтенант Энебель, направляя луч влево.

– А вы нужны мне. Даже больше, чем вы думаете.

Они сурово посмотрели друг на друга, почти как противники. Потом наконец Люси протянула ей руку:

– Давайте спустимся.

Они друг за другом пошли по лестнице. Увидев распростертое на полу тело, Манон отступила и чуть не упала со ступенек. Люси поддержала ее за талию и успокоила:

– Все в порядке, Манон! Он жив!

– Кто это? Что...

Внезапно она умолкла, увидев красные цифры.

– Боже мой! – воскликнула она, подходя к стене.

Забрав у Люси фонарь, она принялась последовательно освещать желтоватым лучом алгебраическую спираль.

– Вам это о чем-то говорит? – спросила лейтенант полиции.

Манон словно оцепенела. Она прижала к уху «N-Tech».

– Тсс... Молчите, – прошептала она. – Прошу вас, молчите.

Она в очередной раз слушала разговор, записанный в ма-

шине. Люси вздохнула. Хронометр продолжал отсчитывать время, даже если срок ультиматума уже закончился.

Спустя несколько минут, Манон сказала:

– На записи вы много говорили о спичках, что тысячи спичек обнаружены где-то на полу, в том доме, где я могла находиться... – слово далось ей не сразу, – в заточении. Верно?

– Точно. Именно так.

– И я не объяснила вам их значение, да?

– Да. Вы потребовали, чтобы сначала мы поехали сюда. Вы мне не доверяли...

Манон подошла к Люси и совсем некстати ослепила ее лучом фонаря, потом отвела его в сторону и включила на своем аппарате «Запись».

– Я уже просила вас дать мне обещание?

– Нет еще.

– Ага, ладно. Тогда разрешите мне включиться в ваше расследование. Обещайте, что позволите мне сопровождать вас в облаве на преступника, который зверски убил мою сестру. Обещайте мне сделать все возможное, чтобы найти Профессора.

– Попытаюсь, по мере моих сил.

– Мне нужно знать это точно! Обещайте!

Люси подошла ближе, всего на несколько сантиметров:

– Обещаю. А вы обещайте, что будете мне доверять.

Манон отрицательно покачала головой:

– Увы, так не получается...

Она включила запись. Все это она, вероятно, выучит наизусть. Ее память воспримет едва ли пять процентов, но она выучит. В последний раз сверившись со всеми своими записями – новое томительное испытание для Люси, – она наконец пояснила:

– Обнаруженные вами спички представляют собой способ вычислить число «пи».

– Что?

– Рассыпьте огромное множество спичек в произвольном порядке на паркетный пол, где ширина паркетной доски будет равна длине спички. Достаточно разделить общее количество спичек на количество спичек, попавших на две доски паркета, и умножить результат на два. Впервые такой эксперимент проделал Бюффон, натуралист восемнадцатого века, выведя таким образом закон геометрической вероятности¹³. Чем больше число спичек, тем поразительнее точность.

Манон подняла голову, не отрывая глаз от красных извивов.

– Число «пи» представляет собой одну из математических диковинок, вызывающую больше всего вопросов в научных сообществах, – продолжала она. – На протяжении веков самые знаменитые ученые пытаются постичь его тайны. Архи-

¹³ Речь идет о задаче Бюффона о бросании иглы – одном из первых примеров применения метода Монте-Карло и рассмотрения понятия геометрической вероятности. Задача была сформулирована Бюффоном в 1777 году. Оказалось, что эта задача сделала возможным определение числа «пи» вероятностными методами.

мед, Декарт, Ньютон и многие другие. Но поверьте мне, это число сегодня – ну хорошо, скажем, три года назад – раскрыло еще далеко не все свои секреты.

Луч света по-прежнему сканировал пространство. Девятки, восьмерки, тройки. Непонятное и неудобоваримое месиво.

– Я все еще не въезжаю, – призналась Люси. – Помогите мне, Манон, прошу вас...

– Вам известно, что «пи» – это бесконечное число, реальное число, представляющее бесконечность десятичных знаков, и что целой Вселенной не хватило бы, чтобы записать его?

– Что-то припоминаю... Бесконечное число... 3,14 с лишним... Позволяет вычислить периметр круга.

Манон кивнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.